Ловушка для тигра

Автор:
Кирилл Казанцев

Ловушка для тигра

Кирилл Казанцев

Колычев рекомендует: Бандитские страсти

Капитан Максим Логинов доверял своему командиру полковнику Артемьеву до того рокового мгновения, когда мимо блокпоста промчался автомобиль и машина по приказу полковника была расстреляна. Но в ней вместо вооруженных террористов оказались мирные граждане. Все погибли. Артемьев сразу же уволился и пропал, а всю вину за случившееся возложили на Логинова. Пришлось капитану податься в бега и просить приюта у своих бывших сослуживцев. Но странное дело: сослуживцы вдруг стали погибать при загадочных обстоятельствах. И Логинов понял: кто-то убирает свидетелей того происшествия у блокпоста…

Кирилл Казанцев

Ловушка для тигра

© Чистова Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

– Входи, присаживайся! – Оплывший, с красным от жары лицом кадровик швырнул на стол основательно потрепанную папку, принялся развязывать на ней тесемки.

– Я постою, – буркнул в ответ Максим, мельком посмотрел на свое личное дело, прислонился к прохладной, покрашенной депрессивного цвета синей краской стене, перевел взгляд за окно. Клок паутины между рамами, два высохших на солнце тополиных листа, запутавшихся в решетке, – сколько раз за последний месяц он видел эту картину? Сегодня третий или четвертый? Ну да, четвертый, точно. Первые три закончились знакомством с очередными записями в служебной карточке – обычный и два строгих выговора подряд. Чем закончится сегодняшний визит в кадры? Третий строгач, и логическое продолжение – неполное служебное соответствие? Или будем и дальше мотать друг другу нервы – ограничимся обычным выговором? Причины командование придумает самостоятельно, в штабе целая орава креативщиков впахивает, такие формулировки выдает – куда там заголовкам в желтой прессе! Так что рассиживаться нечего, все закончится очень быстро, как и неделю, и две назад. Почитаем, откомментируем, и на выход, подальше из душного, пыльного помещения. Максим сделал вид, что зевает, покосился на кадровика-майора. А тот копался в извлеченных из папки бумагах, рассматривал каждую так внимательно, словно видел ее впервые в жизни. «Давай, не тяни», – Максим едва не выпалил это вслух, и майор оторвался от созерцания служебной карточки.

– Ну, и что мне с тобой делать, Логинов? Тут у тебя целый букет нарушений, икебана какая-то, извиняюсь за выражение. Ни у кого больше такого нет. Ведь говорили, просили как человека… – Максим речь кадровика знал наизусть, поэтому бесцеремонно оборвал старшего по званию. Чего бояться – за «пререкание» и «неподчинение старшему» выговор уже есть, можно сократить светскую беседу, свести ее к короткому диалогу.

– Рапорт писать не буду, – заявил Максим, посмотрел на приоткрытую дверцу набитого папками сейфа, уже заранее зная, что услышит в ответ. Пусть помучаются, сволочи, не дождутся. Давайте, лепите третий строгач, предупреждение о неполном служебном соответствии, и будет вам как зимой. Одно решение гарнизонного суда об отмене всех дисциплинарных взысканий уже есть, будет и второе, и третье… Сколько понадобится, столько и будет.

«Сам не уйду», – в очередной раз мысленно повторил Максим, снова посмотрел за окно. Серый бетонный забор с «Егозой» поверху и толстый ствол тополя – вот и весь пейзаж, знакомый и отвратительный до тошноты. Как и те слова, которые он услышит сейчас от вынужденного «оптимизировать» личный состав кадровика. И даже не сразу понял, о чем тот говорит, пропустил первые слова мимо ушей, самоуверенно решив, что и так знает ответ.

– Да не пиши, не пиши, черт с тобой, – не поднимая глаз от вороха документов, как-то очень спокойно, даже лениво, ответил майор. Максим уставился на кадровика, ухмыльнулся, пользуясь тем, что взгляд начальства устремлен вниз и в сторону. Это что-то новенькое – ни криков, ни угроз – так мирно их общение еще не протекало ни разу. Даже не отчитал за форму одежды «номер восемь», впрочем, за это выговор тоже уже был. «Интересненько», – Максим уже не торопил события, ему не терпелось узнать, какая подлянка ждет его на этот раз.

– Не пиши, – повторил майор, посмотрел, наконец, на посетителя и почему-то вздохнул. Сгреб со стола все бумаги, аккуратно сложил перед собой. Потом взял карандашный огрызок, покрутил в пальцах, отложил, полез зачем-то в ящик стола. Майор явно не решался начать следующую часть разговора, а Максим помогать кадровику не собирался, терпеливо ждал развития событий.

– Сколько тебе осталось? – ответ на этот вопрос майору был отлично известен, но Максим, подчиняясь правилам игры, все же сказал:

– Полтора года. – И снова умолк, подпирая стенку.

– Вот и служи, – неожиданно быстро подхватил диалог майор, – спецов и так почти не осталось, увольняться никто тебя не заставляет. Служи, – еще раз сказал он и захлопнул ящик стола.

Максим даже растерялся – он не знал, как реагировать на то, что только что услышал своими ушами. А кадровик снова углубился в чтение давно наизусть выученных бумаг и одновременно продолжал говорить ровным и нудным голосом:

– Звание очередное в срок получишь, а там, сам знаешь, жизнь с чистого листа начнется. Все взыскания аннулируются, чист будешь, аки слеза младенца. Квартиру получишь, ну и все, как положено. Да сядь ты уже, не стой над душой.

Присесть, и правда, не мешало – настолько невероятным было то, что выдал сейчас кадровик. Максим отклеился от стены, шагнул к стулу и уселся на него не как обычно – верхом, а нормально, «по-человечески», как сказала бы Ленка. «Не поверит», – подумал Максим, представляя реакцию жены на то, что говорил сейчас майор. А тот монотонно продолжал:

– Ну, бывает, погорячились, сам понимать должен. Я что – сам, что ли, по своей инициативе, оргштатные провожу? Да у меня за каждого из вас чуть не до драки с командиром доходило, веришь? – неожиданно горячо и искренне поделился с Максимом кадровик и посмотрел пристально мелкими бесцветными глазками из-под белесых редких бровей.

«Не верю», – Максим еле сдержался, чтобы не произнести это вслух, лишь кивнул головой неопределенно и все пытался понять – где поганка зарыта? Так не бывает – летом не идет снег, люди не летают как птицы, а вот так взять и резко сдать назад командование могло заставить что-то очень важное. Даже не так – непонятное и неожиданное, даже пугающее своей внезапностью. Осталось только выяснить, что именно и почему именно капитану Логинову отведена не последняя роль в этом спектакле. Майор кивнул, сложил все бумаги в папку, аккуратно завязал узелок из растрепанных тесемок. Повернулся к сейфу, копался там с минуту, повернулся. И, как фокусник, извлек из воздуха початую бутылку водки и два почти чистых стакана.

– Употребление спиртных напитков в служебное время, – Максим произнес это механически, таким тоном врач ставит несложный диагноз и отправляет пациента на амбулаторное лечение.

Майор коротко рассмеялся, замолчал, насторожился, прислушиваясь к доносящимся из коридора звукам. Но все было тихо, и Максим только сейчас сообразил, в чем состояла одна из странностей сегодняшней беседы – время было обеденное. В штабе не осталось никого, кроме дежурного офицера, все разбежались по домам. А то, что начальник отдела кадров жертвует горячим питанием ради ядовитого, несговорчивого капитана, не могло не насторожить. Впрочем, вида Максим не подал и все ждал, уже почти с детским любопытством, – что будет дальше?

– Мы быстро. И тихо, – кадровик ловко разлил водку по стаканам, один пододвинул к краю стола, сам поднял другой. Максим взял посуду, поставил на

ладонь одной руки, прикрыл второй. И приготовился ждать тоста.

– Давай, – приглушенно скомандовал майор, влил в себя примерно половину содержимого стакана, скривился, выдохнул. Закусывать традиционно было нечем. Максим поднес стакан к губам, но пить не стал, чуть поморщился, вернул емкость с водкой в исходное положение. Майор маневра не заметил, он снова гремел содержимым ящиков стола, но поиски чего-нибудь съедобного результатов не дали. Значит, импровизировал, заранее не подготовился. Почему? Решил, что и так сойдет, или нечто произошло совсем недавно, перед тем, как Максим в очередной раз оказался в кабинете кадровика. А ведь у майора проблемы с поджелудочной, об этом всем давно и хорошо известно. И вот так, не щадя своего и без того слабого здоровья, пить в жару, да еще и на голодный желудок…

– Ты что, думаешь, мне самому не страшно? Еще как страшно! Выкинут к чертовой матери в чистое поле без квартиры – хоть в землянке живи. Или в тайгу, или в тундру – туда всегда пожалуйста, вакансий навалом. А у нас план по сокращению, к твоему сведению, есть. Сорок процентов – куда хочешь, туда и девай, – пожаловался на свою нелегкую долю кадровик и попутно разгласил небольшую военную тайну. Максим молча слушал, но уже чувствовал, что терпению подходит конец. Даже не терпению – надоело это дешевое кривляние уже почти пожилого человека, вынужденного таким способом доказывать преданность и лояльность руководству. Максиму даже стало немного жалко взопревшего от жары и спиртного кадровика. А тот продолжал изливать душу и делал это почти искренне:

– Я ж человек подневольный, приказ выполняю, только и всего. Если бы от меня хоть что-то зависело, никого бы из ваших не тронул. Из группы-то ты ведь один остался, правильно?

Максим молча кивнул еще раз – да, из группы, которой он командовал, кроме него, действительно никого не осталось. Кто «по собственному», кого по несоблюдению условий контракта… А то, что у людей опыта, званий и наград как у дурака фантиков, так на это плевать всем было. Даже не плевать… Ладно, не будем лишний раз выражаться, подходящие слова и отношение к происходящему всем давно известны. Максим сжал ладонью стенки стакана, посмотрел на серый потолок, потом себе под ноги. И покосился на наручные часы – обед скоро закончится, пора бы и закругляться. «Давай уже, выкладывай, скотина, что у тебя там. И не пей больше, еще обвинят меня в том, что я тебя до

приступа довел. А это уже уголовщина, причинение вреда здоровью». Мысленный посыл Максима помог. Майор все же влил в себя остатки водки, грохнул дном стакана по столу.

– Все, Логинов, иди, дослуживай. Все у тебя нормально будет, полтора года перекантуешься как-нибудь. Только… – и майор осекся, уставился на гладкую поверхность стола.

Вот оно, наконец-то. Только – как много в этом звуке, ради него и длилась эта вся почти полуторачасовая канитель. Максим чуть оскалился, поставил стакан на стол, запихнул руки в карманы камуфляжных штанов, развалился на стуле. Ну, давай, майор, на бис, аплодисменты будут, не сомневайся. Кадровик – туповатый служака, обрюзгший мужик лет сорока восьми – все прекрасно понял. Покраснел еще сильнее, сжал зубы, сдерживаясь, чтобы не заорать по привычке. Но смог, справился с собой – вопли и истерики в сценарии этой беседы не предусматривались. И заговорил глухо, сквозь зубы, не глядя на уже открыто улыбавшегося Максима:

– Тут такое дело… Тебя касается, кстати. Ты помнишь, тогда, три года назад, когда вы… ты… Ну, сколько их там тогда было? Пятеро? – и не договорил.

– Шесть человек, из них две женщины, – перебил кадровика Максим, – все я помню. И приказ помню, и того, кто мне его передал. Я еще три раза переспрашивал, три раза подтвердили. Все мои люди слышали, не только я, они подтвердить могут. А в чем дело-то? – Максим сделал вид, что очень удивлен.

– Такое дело, – невнятно проблеял майор, и было видно, что слова Максима уничтожили в нем остатки решимости. Не помогло даже выпитое, теперь Максим уже не сомневался, «для храбрости». Но помогать кадровику не собирался, ждал, когда тот выскажет волю командования сам. Тот же мялся, смотрел косо то на собеседника, то на полупустой стакан с омерзительно теплой огненной водой, неприятно хрустел суставами пальцев рук.

– В общем, родственники их в суд подали. Справедливости хотят и компенсации. Денег им уже дали, но этого мало оказалось. Кто-то за смерть их родственников ответить должен, закон у них такой. Ну, ты и сам знаешь, не мне тебе рассказывать… – эти слова майору дались нелегко, он постоянно запинался и долго подбирал слова, пока выдавливал из себя эту речь. Выговорил все и

замолк с облегчением, откинулся на спинку стула, давая возможность собеседнику сделать свой ход. Но Максим не торопился, обдумывал услышанное, вспоминал. Хотя чего тут вспоминать – тот день он забудет не скоро, если такое вообще возможно. Не остановившаяся по его приказу машина обстреляна, водитель и почти все пассажиры убиты. О приближении машины было известно заранее, а «Нива» неслась на огромной скорости и сбила одного из бойцов из группы Максима и его самого, бросившегося наперерез. Да машина еще и скорость потом увеличила, уйти пыталась, пришлось стрелять. Если так ведут себя мирные жители, которым, по логике, нечего опасаться досмотра, то он – солист ансамбля песни и пляски Советской армии. А то, что в машине ни оружия, ни взрывчатки не оказалось, так это ничего не значит – стволы могли находиться в схроне, куда и рвалась машина, а наличие женщин с целью прикрытия в подобных группах дело обычное.

Главари боевиков, чтобы прощупать обстановку, всегда пускают впереди машину с «мирными жителями». Тем более это была засада, а расстрел свидетелей места устройства засады разведгруппы – нормальное явление во время войны, отвечающее всем канонам и нормам обеспечения скрытности. Да и приказ, который повторили трижды, не оставил сомнений в том, что тем, кто «наверху», виднее. Пусть они и отвечают.

– А я тут при чем? – безразлично поинтересовался Максим. – Кто командовал, с того и спрос. Я человек подневольный, приказ выполнял, – издевательски копируя тон кадровика, напомнил он, – не допустить прорыва из окруженного села, где находился один из главарей боевиков. И выполнил. Тем более трое еще живы были на тот момент, когда я обстановку докладывал, мы им даже первую помощь оказали.

– Да, да, – кадровик согласно закивал головой, – выполнил. Вот только кто приказ тебе отдал, демобилизовался давно, да и где его теперь найдешь…

– Ты мне лапшу-то не вешай, – Максим рывком выпрямился на стуле, подался вперед, хлопнул ладонями по столу, – а то я не знаю, кто такие приказы отдавать должен. Руководитель операции это был, полковник, только фамилию его я забыл. То ли Стрельченко, то ли Лучников – не помню точно. Зато Устав знаю и то, кому я подчиняться должен. Я все правильно сделал. Ищите полкаша того и родственникам тех, кто по его приказу погиб, сдавайте. Ни я, ни люди мои тут ни при чем. Все, я пошел. – Максим вскочил на ноги, отпихнул к стене стул.

– Да погоди ты, погоди, – кадровик тоже поднялся, но слишком резко, поэтому сразу же плюхнулся назад, едва не промахнувшись мимо стула. Максим остановился в дверях, чуть повернул голову.

– Никто тебя ни в чем не обвиняет, выполнял приказ – вот и правильно. Ты пойми, от родственников тех, убитых, так просто не отделаешься, надо им кость кинуть, чтобы отстали. Ты вот что, – майор со второй попытки выбрался из-за стола, заковылял к Максиму, заставил снова усесться на стул. Сам пристроился на краю стола, приблизился почти вплотную, так, что от запаха сивухи Максим скривился и подался назад. Кадровик, не обращая внимания на реакцию капитана, зашептал – несвязно и громко:

– Суд уже назначен, здесь проходить будет, вся родня тех убитых сегодня приехала. Тебя как единственного свидетеля – заметь, свидетеля – вызовут. Ты вот что – дави на то, что слышно было плохо – шум, помехи в эфире. Кто приказал, что приказал – непонятно. Времени прошло много, никто ничего не помнит. Если понадобится, то справку тебе сделаем – плохо видишь, плохо слышишь, и с памятью проблемы. Молчи, самое главное, и мы промолчим, – значительно и уже еле слышно пообещал майор. И снова, сбиваясь, заговорил: – А как суд закончится, дослужишь, как положено, все получишь, уедешь к Москве поближе… – закончить кадровик не успел.

Максим рассмеялся негромко, улыбнулся широко, глядя в пьяные, покрасневшие от напряжения глазки кадровика, поднялся неторопливо со стула. Потом провел ладонью по губам, чуть прикусил себя за палец, чтобы успокоиться, и тихо ответил:

– Кость – это я, так ведь? Хорошо придумали, молодцы. Я их законы хорошо знаю, правосудие это зверье меньше всего волнует. Вернее, они и слова-то такого не слышали. Им человека на части порвать – что тебе курицу разделать. Прикрыться мной решили, суки? Хрен вам, скотам, – вытянутый в недвусмысленном жесте средний палец оказался перед глазами кадровика. Майор в изумлении свел к переносице оба глаза, пытаясь понять, как это вообще может быть – в его кабинете и вдруг такое? Ему… начальнику отдела кадров… какой-то капитан… Но Максима было уже не остановить, теперь-то уж точно терять ему нечего – здесь уже не просто неполное служебное несоответствие светит, а досрочное увольнение в запас со всеми вытекающими. Черт с ними, пусть подавятся. Переживем как-нибудь, не пропадем.

– Ты хозяевам своим так и скажи – пусть идут на… – Максим сдержался, сквернословов он не выносил, да и сам матерился крайне редко. «Не порть карму», – говорила в таких случаях ему жена, а ее Максим любил и к словам Ленки прислушивался. Да и сейчас не тот случай, чтобы одним в запале сказанным неосторожным словом портить себе и без того непростой цикл грядущих рождений и воплощений. Но о жестах в индийской религии и философии не упоминалось, поэтому кары за комбинацию из пальцев можно не опасаться.

– Я молчать не буду, – пообещал Максим, – скажу все, что знаю. Эти горные орлы, если захотят, сами все выяснят – и фамилию, и место жительства того, кто операцией тогда командовал. Я выполнял его приказ, – старательно проговаривая каждое слово, повторил Максим, – с него и спрос.

В коридоре послышались голоса, звуки торопливых шагов, кто-то остановился рядом с дверью соседнего кабинета, зазвенел ключами. От шума майор очнулся, икнул несколько раз, уставился на непокорного капитана исподлобья. И сделал последнюю попытку уговорить строптивца:

– Да ты хоть представляешь, что с тобой будет, если ты не согласишься, дурак? Даже не с тобой – с семьей твоей. Дочери твоей сколько – девять лет, кажется? Ты их видел, тех, родственников? Им ее только покажи да фамилию твою назови – и все, хорошо, если… – кадровик заткнулся, попытался отступить назад, но наткнулся задницей на стол, с размаху плюхнулся на него, вытаращил глаза. Максим одним коротким быстрым движением оказался рядом, брезгливо, двумя пальцами взял майора за отворот форменной зеленой рубашки, наклонился вперед. И, преодолев тошноту, тихо, с расстановкой, произнес:

– Видел чаще и ближе, чем тебя, сволочь. В разных видах, живых и не очень. Если хоть одна тварь к моей дочери или жене близко подойдет, я тебя сам родне тех убитых отдам. Живым и по возможности здоровым. Поэтому не пей и поджелудочную свою лечи, чтобы раньше времени не загнуться.

Максим говорил негромко и отрывисто, пальцы левой руки непроизвольно сжались в кулак. От греха подальше пришлось убрать руку за спину, отпустить жертву, отступить назад. Еле живой от всего пережитого кадровик шевелился, пытался сползти со стола, но Максим стоял слишком близко. Майор затих, смотрел почти жалобно, как пойманный хозяином за поеданием дохлятины пес. Максим направился к дверям, но остановился на полпути.

– Придурок ты, Логинов, какой же ты придурок, – донеслось Максиму вслед не то шипение, не то скрежет. Можно не отвечать, давно пора было прекратить это представление. Сам виноват, сработал глубоко сидящий в сознании постулат – не ждать подлянки от своих. Грубо говоря, надеяться, что дерьмо запахнет фиалками. Уж к тридцати пяти годам мог бы сообразить, что так не бывает, и запах у этой субстанции всегда и везде один и тот же, так нет – все ждет чуда. И вот дождался, в очередной раз прошелся по милым сердцу граблям. А майор не унимался, он боялся даже встать со стола, но просто так отпускать Максима не желал, жаждал сатисфакции за пережитое унижение.

– Дебил, урод конченый! – уже не сдерживаясь, визжал он. – Тебя по-хорошему просили, по-человечески! Помогли бы, поддержали, а ты все, как муха на стекле, выделываешься! Допрыгаешься когда-нибудь, капитан! И майором ты никогда не будешь! – Максим улыбнулся еще раз, вернулся к столу, схватил наполовину полный стакан с водкой, выплеснул содержимое в красную от духоты и злости рожу кадровика. Тот немедленно заткнулся, словно захлебнулся, зажмурился нелепо, замотал головой. Максим швырнул посуду на пол, сделал шаг назад.

– Я знаю, – спокойно и вежливо ответил Максим, – даже спорить не буду. Всего вам доброго. – И вышел, наконец, из ненавистного кабинета, быстро прошел по коридору, сбежал вниз по лестнице. Кивнул на выходе знакомому дежурному офицеру, выскочил на крыльцо штаба. Все, теперь точно все, карьера закончена. Квартиры не видать, а все последние месяцы упирался и бодался с начальством Максим только ради возможности обрести, наконец, собственное жилье. Съемные углы достали, им давно перестали вести счет. Дошло до того, что дочь однажды растерялась, куда возвращаться из школы, – перепутала улицы и дома. Ленка встретить ее не смогла – на работе образовался очередной завал, а Максим, как обычно, отсутствовал. Васька – Василиса – долго бродила под окнами их бывшего жилья, потом разревелась на весь двор. Хорошо, хоть нашлась добрая душа, отвела девчонку «домой».

– Потерпи, пожалуйста, – узнав об этом, в который раз попросил жену Максим, и она, в который же раз, пообещала ждать. И вот теперь ждать уже нечего, придется уезжать в Александров – небольшой городишко во Владимирской области, где Ленке от деда по наследству досталась крохотная однушка в старой блочной хрущевке. Последний рубеж обороны сдан, придется отступать. Максим хорошо помнил эту тесную квартирушку. И черт бы с ним – с состоянием квартиры – ремонт можно сделать и самому, но в ней было так темно и сыро… Пещера, склеп – что угодно, только не человеческое жилье. Васька туда даже

войти побоялась, да и не удивительно – квартира угловая, первый этаж, кухня размером со скворечник. По коридору Максим пробирался боком и, на всякий случай пригнувшись. И в довершение картины – глухая стена напротив дома, то ли склада, то ли производственного помещения, и все окна упираются в нее. От мысли о том, что в этом «жилье» придется провести остаток жизни, становилось тошно. Эту квартиру планировалось продать, потратить деньги на ремонт новой, но все получилось не так, как хотелось. Теперь придется уезжать, да еще и неизвестно когда – если будет суд, то переезд придется отложить на неопределенный срок.

Максим прошел КПП, оказался за территорией части. Мысли захлестывали одна другую, в голове образовался хаос. Нет, так не пойдет, нужно очень быстро разобраться в изменившейся обстановке, определить цели, задачи и приоритеты. И решить для себя, что делать дальше, как поступить, что сказать жене. И выяснить, где Васька, – Максим остановился, достал из кармана телефон, нашел нужный номер, нажал кнопку вызова. Через три гудка трубка ответила звонким недовольным голосом:

– Привет, пап. Я у Вики, мы кино смотрим. Дома ее бабушка, она сейчас в магазин ушла. Мама пока не звонила, – закончила доклад дочь и замолчала, ожидая указаний.

– Привет, – отозвался Максим, – у вас дверь закрыта? Вы проверяли? – и улыбнулся, услышав в ответ возмущенный крик:

– Да, да, проверяли! – завопила Васька, и фоном к ее ору раздался голос второй девчонки и писклявая речь, доносившаяся из динамиков телевизора, – Максим оторвал обеих от просмотра мультиков.

– Все, я тебя понял, молодец, – примирительно ответил Максим и скомандовал: – Потом сразу домой. Тебя встретить? – и тут же пожалел о сказанном.

– Вика живет в соседнем доме, я сама дойду! – почти плача, прокричала Васька и отключилась. Максим посмотрел на дисплей, убрал телефон, неторопливо зашагал по усыпанной тополиными листьями дорожке. Он ничего не мог с собой поделать, хоть и старался, долго и честно. Потом плюнул, перестал ломать себя, да и Ленка с Васькой уже привыкли к странностям мужа и отца. Ну не мог он ни спать, ни есть спокойно, если не знал все о перемещениях членов своей семьи –

куда, зачем, с кем, когда вернется? Максим знал в лицо и по имени всех, с кем сталкивала его жизнь, – одноклассников и подруг дочери, коллег жены, соседей. И помнил не только внешность всех и каждого, не забывал ставших ему случайно известными фактов биографии, случаев, ситуаций и проблем. Эти люди не были для Максима посторонними – они составляли его окружение, а о тех, кто оказывался рядом, он должен знать если не все, то многое. Чтобы оценить и понять, насколько опасен или, наоборот, безвреден может оказаться тот или иной человек. Но предложить жене и дочери каждый день возвращаться с работы и из школы другой дорогой, не повторять ежедневно один и тот же маршрут, не решался. Справедливо чувствовал, что в этом вопросе понимания не встретит, поэтому психовал втихую. Особенно, когда был в отъезде. И звонил, звонил по пять раз на дню, слушая крики Васьки и спокойный ровный голос жены. «Надо сказать ей, предупредить». Максим резко сменил курс, свернул на протоптанную между домами тропинку. Ленка работала бухгалтером в небольшой торговой конторе, офис находился недалеко от их очередного «дома». Но разговора не получилось – Максим приоткрыл дверь в кабинет и сразу спрятался обратно. Небольшая комнатенка оказалась набита кричащими людьми и звонящими телефонами, Ленку в этом хаосе было не разглядеть. Очередной аврал, подготовка отчетности – горячая пора. Максим набрал номер, поднес трубку к уху.

– Я на работе, – немедленно ответила Ленка, даже не стараясь перекрыть шум.

– Я знаю, – ответил Максим, – я тут за дверью стою, а войти боюсь. Что у вас случилось?

– Боится он, надо же. Работаем мы, – ответила жена, потом раздались короткие гудки. Максим отошел от двери, оперся на подоконник, посмотрел в окно. И сделал вид, что не слышит тихих шагов за спиной, позволил Ленке подойти близко, обернулся в последний момент. Вид у нее замученный, светлые волосы растрепаны, глаза покраснели от постоянного созерцания цифр в мониторе. Но улыбается, хоть и не очень радостно. Уже хорошо.

– У тебя что? – с места в карьер приступила к допросу жена, отошла чуть в сторону, за огромный развесистый куст, растущий из кадки в центре коридора. – Давай, колись, по глазам ведь вижу – что-то случилось, – наседала она на мужа.

– Жить поедем в Александров, – одним духом выпалил Максим, – ничего не вышло.

– Да? Ну и черт с ним. И в Александрове люди живут, – мгновенно согласилась Ленка, взяла Максима за руку, – фиг с ним. Давай только поскорее, Ваську в школу устраивать надо, чем раньше переедем, тем лучше.

«Раньше не получится», – хотел ляпнуть Максим, но вовремя сдержался. Говорить о предстоящем суде, о появившихся в городе «детях гор» он не хотел. Скорее даже не мог, не имел права. Это была его работа, его территория, его дело, и подпускать туда близких он не собирался.

– Хорошо, – только и ответил он, – я забыл про школу. Завтра же напишу рапорт.

И подумал, что, может быть, это выход – быстренько распрощаться со службой и уехать вольным, безработным человеком на новое место. И избежать встречи с все еще живущими по средневековым законам людьми. «Да ты хоть представляешь, что с тобой будет, если ты не согласишься? Даже не с тобой – с семьей твоей» – сказанные недавно кадровиком слова заставили стиснуть зубы. Максим отвернулся, сделал вид, что рассматривает сочный зеленый куст, провел кончиком пальца по пыльной поверхности листа.

– Что еще? – Ленка приподнялась на цыпочки, решительно взяла мужа за плечи, заставила развернуться. – Говори, не тяни. Квартиру ограбили, Феклу убили? – Максим даже попятился от неожиданности. Готовность жены к любому повороту событий вызывала восхищение ею и злость на себя одновременно.

– Нет, что ты выдумываешь. Ничего, нормально все. Так, вспомнилось кое-что, музыка навеяла, – торопливо заговорил Максим, но Ленка пристально смотрела на него серыми глазами, даже не моргала. Сеанс гипноза прервал крик из-за открывшейся двери кабинета:

– Лен, там поставщик звонит, у него на счет-фактуре не все реквизиты пропечатались! – истошно завопила в пространство выскочившая в коридор девушка. – Что ему сказать?! – Она крутила головой по сторонам, высматривая Ленку. Следом вышли еще несколько человек, в коридоре стало шумно, и Ленка сжалилась над мужем.

– Так, иди домой и жди меня там. Никуда не ходи, я постараюсь вовремя уйти, – распорядилась она и рванула на крик. Максим отсиживался за растением до тех

пор, пока дверь в кабинет не захлопнулась. Потом выбрался из укрытия, постоял немного под дверью кабинета, прислушиваясь к крикам, и быстро пошел прочь.

«Дома» все было тихо и спокойно. Васька еще была в гостях – об этом она сообщила сама, сжалилась над отцом, позвонила, отчиталась. И позволила встретить себя – но через час, не раньше. Встретила Максима только Фекла – беспородная красавица-трехцветка, собственноручно подобранная им на улице кошка. Жалкий заморыш превратился в настоящую королеву и вел себя соответственно. Сухой и готовый корм животина есть отказывалась, предпочитала свежую курятину. И – что странно – ловила мышей, удирала иногда в подвал и всегда возвращалась с добычей.

– Вот что значит дикое существо! Кровь предков! – изрекла Ленка, хладнокровно взирая на то, как кошка изящно расправляется с трофеем под столом в кухне. Максим попытался прекратить вакханалию и отнять у кошки полуобглоданный труп грызуна, но сдался, отступил – рассерженная зверюга жутко шипела и сверкала глазами, прижимая лапой добычу к плинтусу. Если не считать этого недостатка, то в остальном Фекла манерами и внешностью могла дать фору любой породистой кошке.

– Привет, моя хорошая, – Максим взял кошку на руки, захлопнул дверь. Зашел в кухню, уселся на табурет, прислонился к стене. Фекла урчала, топталась на коленях, укладываясь, размахивала хвостом, не зная, куда бы лучше его пристроить. Потом угнездилась, наконец, успокоилась. Максим погладил кошку по спине, прикрыл глаза. «Завтра же, с утра, первым делом напишу рапорт, – принялся он по привычке планировать свои действия. – Его подпишут быстро, даже рады будут, что легко отделались. Потом про деньги надо узнать, с квартирной хозяйкой рассчитаться и валить отсюда. Права Ленка, и в Александрове люди живут. Ничего, придумаю что-нибудь». Максим вздрогнул от сильного толчка. Фекла, привлеченная шумом в подъезде, спрыгнула на пол и рванула в коридор как собака, только что не зарычала. И почти сразу вернулась назад – все спокойно, хозяин, можно не волноваться.

– Пора Ваську встречать, – сказал кошке Максим и, хоть до назначенного времени встречи оставалось еще больше четверти часа, собрался и вышел из дома. Девчонки опередили его, качались на качелях посреди двора. Максим подошел неслышно, остановился неподалеку. Вика – темноволосая, толстенькая, вечно чем-то недовольная девочка, на год старше Васьки, сейчас веселилась вовсю, смеялась громко, запрокинув назад голову. Дочь же что-то говорила ей и

тоже хохотала, не замечая остановившегося рядом отца. Первой его заметила Вика, замолчала, поздоровалась тихо и прекратила раскачиваться.

– Пап, ты чего так рано! – возмутилась Васька. – Мы же договаривались… – Серые, как у матери, глаза она прищурила по-отцовски, смотрела пристально и недовольно.

– Да я просто так вышел. Могу я тоже погулять? – оправдывался Максим, а сам все косился по сторонам. Кто этот человек, идущий через двор, что ему надо? А эта псина – чья она? Породистая, но без поводка и намордника, и черт знает, что у нее на уме. И что за машина остановилась перед домом, почему никто не выходит и не садится в нее?

– Можешь, – разрешила дочь, – пожалуйста, гуляй, сколько хочешь. – Максим уселся на бортик песочницы, слушал болтовню девчонок и все смотрел по сторонам, замечая и слыша все вокруг себя – движения, звуки, даже запахи. Васька рассказывала подружке о том, как правильно ездить на лошади. Оказывается, главное – крепко держаться за гриву и смотреть вперед, между лошадиных ушей. Максим отвернулся, чтобы дочь не видела, как он улыбается. Сам он верхом ездил отлично, научился еще в школе и даже «допрыгался» в конкуре до кандидата в мастера спорта. Потом, правда, все изменилось, и долгое время Максиму было не до лошадей. Но в седле он держался уверенно и при первом же удобном случае сажал вместе с собой и Ваську. Она вцеплялась обеими руками в переднюю луку седла, повизгивала при каждом шаге животного. А потом просто с поросячьим восторгом кормила с ладони лошадь яблоком или морковкой, пищала от прикосновения к руке теплых мягких конских губ. Толстенькая Вика слушала сбивчивую Васькину речь и завистливо вздыхала. Так и гуляли втроем до тех пор, пока в конце улицы не показалась Ленка. Васька быстро распрощалась с подругой, спрыгнула с качелей, рванула к матери, Максим двинулся следом. И продолжал украдкой осматриваться по сторонам, обернулся на резкий звук, оступился на ровном месте и едва не упал.

– Под ноги смотреть надо, товарищ капитан, – назидательно произнесла Ленка и взяла мужа под руку.

– Надо, – согласился он, следя за бежавшей к дому Васькой, – у тебя все нормально?

– Ну, в общем, да. Если не считать того, что премию нам не дадут – хозяин передумал, – ответила Ленка.

Премия? Да черт с ней, переживем, сейчас не это главное. Важно другое, но задать вопрос напрямую Максим не решался, все на свете имеет предел, даже безграничное Ленкино терпение. Спросить вот так, в лоб: «А не следил ли за тобой кто-нибудь?» или «Не заметила ли ты чего-то подозрительного?», Максим не мог. Хоть самому следи за ними, а Ваську в таком случае вообще из дому не выпускать. Ага, попробуй… Каникулы, погода отличная, удержишь ее, как же. От мыслей отвлек голос жены – и свой вопрос, кажется, она повторила уже дважды:

– Мне заявление на увольнение с какого числа писать? Могут отрабатывать заставить две недели. Макс, ты меня слышишь? – и остановилась резко.

– Что? А, да хоть с завтрашнего, – очнулся Максим, – про две недели я не знал, не хотелось бы. Как только рассчитаешься, сразу уезжаем.

– Тебя-то самого отпустят? – поинтересовалась Ленка, и Максим уверенно кивнул головой, улыбнулся невесело.

– Отпустят, еще и платочком вслед помашут на радостях, – отозвался он и за руку потащил жену к дому.

– Пошли быстрее, я есть хочу, и Фекла там голодает, – говорил он на ходу.

– Мог бы ей мышь поймать, – проворчала Ленка, – а сам ее курицей пообедать. Холодильник открыть не судьба?

Васька давно скрылась в подъезде, и Максим почти бежал к дому. В тамбуре темно, дверь в подвал вечно открыта, и черт его знает, кто может поджидать десятилетнюю девчонку в темноте. Но все обошлось, Васька уже стояла на лестничной площадке второго этажа, рядом терлась Фекла, настораживала уши, смотрела вниз.

– Тебе сколько раз говорить – вошла в квартиру, закрывай дверь, – напустился на дочь Максим, но Васька пропустила его слова мимо ушей.

– Ну, все, все, мы уже пришли, – отозвалась вместо нее Ленка, вошла вместе с дочерью в квартиру. Максим дождался, когда следом за ними прошествует кошка, переступил порог последним, захлопнул за собой дверь. Слава те, Господи, все дома, можно выдохнуть. И приготовиться к завтрашнему дню, а от того, что он принесет с собой, будет зависеть очень многое.

Удивить или хотя бы сбить с толку Максима было сложно, но, как оказывается, очень даже возможно. Для этого достаточно нескольких слов, написанных над неровными строками его рапорта «по собственному». «Отказать. Рассмотреть на дальнейшее прохождение службы» – Максим несколько раз перечитал резолюцию, потом зачем-то перевернул лист, осмотрел изнанку. Словно искал «Удовлетворить по существу» – стандартную формулировку соглашения между командиром и подчиненным. Но зря – пожелание кадровика «служить» действовало, но отдавало чем-то нехорошим, не то тухлинкой, не то горечью. И опасностью, еще непонятной, невидимой пока, но близкой и неотвратимой. Максим аккуратно сложил завизированный рапорт, убрал его в папку. Достал чистый лист, устроился на подоконнике и написал еще одно прошение – точно такое же, как и первое. Для того чтобы к вечеру получить бумагу с идентичной резолюцией. Два рапорта-близнеца лежали в папке, Максим неторопливо шел к дому. Еще полгода назад подобная резолюция на рапорте «по собственному» была бы немыслима. Все это было не просто странно, Максиму казалось, что он стал действующим лицом жутковатой игры. И правил в ней нет, вернее, они будут придумываться в процессе действа, на ходу, сочиняться под каждый шаг актеров. Заранее спрогнозировать ничего нельзя, можно только ждать и действовать по обстановке – подчиняться, сопротивляться или пытаться ускользнуть. Был и еще один вариант – попытаться изменить обстоятельства «под себя», но на этот шаг Максим решиться не мог. Будь он один – тогда ладно, можно рискнуть, но думать сейчас приходилось не только о себе. Остается ждать стартового выстрела и не прозевать первый ход.

Ожидание не затянулось, родственники погибших «мирных жителей» проявляли нетерпение. А также наглость, нахрапистость и нежелание даже выслушать другую сторону – они пострадавшие, и все тут, остальные должны тихо и быстро выполнять их пожелания. Зал суда был заполнен под завязку, Максим разглядывал толпу, пытался высмотреть знакомые лица, но зря. Население двух или трех аулов на время покинуло родные места и переместилось в небольшой город в центре страны. Вся эта орава непрерывно гудела, из ровного гула выделялись гортанные крики, без конца звонили мобильники. И запах в зале установился соответствующий – воняло хлевом, псиной и сырой шерстью. Секретарю стало плохо, но вместо того, чтобы открыть окно, женщину обвинили

в неуважении к собравшимся. Ей наскоро оказали первую помощь, и после паузы заседание возобновилось, чтобы тут же прерваться – пострадавшие потребовали заменить присяжных. Адвокат семей убитых заявил, что необходимо сформировать коллегию по территориальному принципу. Присяжным заявили отвод, требуя «своих», – для преступлений, совершенных на территории республики, присяжными должны быть местные жители.

– А если это сделать невозможно, – визгливо вещал низкорослый кривоногий человечек, – то дела подлежат рассмотрению в ином, установленном законом, составе суда.

«Если невозможно, то суд должен проводиться в открытом режиме, на повороте дороги от селения N к аулу M, в присутствии вооруженных легким стрелковым оружием местных жителей. Охрану подсудимых обеспечить установкой их перед быстровозведенной из красного (он красиво крошится пулями) кирпича стенкой. Беспристрастность суда обеспечить равным количеством выданных боеприпасов для всех участников восстановления справедливости», – Максим улыбнулся своим мыслям. И в очередной раз подивился собственному безразличию к происходящему. Комедия, цирковое представление, фарс – все что угодно, только не судебное заседание. Он не мог заставить себя принимать действо всерьез, с трудом скрывал улыбку и ехидство, отвечая, как свидетель, на вопросы. Пострадавшие даже не утруждали себя тем, чтобы выслушать его слова, орали в спину. Максим не оборачивался, заставлял себя молчать, не отвечать на выпады, даже когда среди несвязных выкриков раздались угрозы и оскорбления. И не только в его адрес – на втором или третьем заседании Максим услышал несвязно и злобно выкрикнутые кем-то имена своей жены и дочери. Он снова всмотрелся в толпу, чтобы увидеть кричавшего, но с тем же успехом он мог пытаться высмотреть в рое ос ужалившее его насекомое. И рядом никого из тех, кто был «своим» – в ходе заседания выяснилось, что все, кто был тогда рядом с Максимом, кто отдавал приказ, не могут присутствовать в суде. Уволены, демобилизованы, не явились по уважительным причинам – Максим остался один на один с полуграмотной, словно вырвавшейся из Средневековья ордой. «Так не бывает, – крутилось у него в голове с утра до вечера. – Этого не может быть». Но это было и продолжалось, и конца ужасу не было видно. Защитник жалко улыбался, мял бумаги, пытаясь перекричать шум и вопли. У Максима сложилось стойкое ощущение, что он находится на свалке, а над головой с карканьем кружит стая потревоженных ворон. Но пока не приближается, не решается напасть на жертву, словно ждет сигнала. И час настал – на одном из заседаний Максим из свидетеля превратился в обвиняемого. Он не смог объяснить, убедить сторону обвинения в том, что

трудно удерживать в памяти все подробности того боя спустя несколько лет. Сторона обвинения ставила вопросы так запутанно, что смысл вопроса зачастую уловить было сложно. Была сделана попытка со стороны обвинения протолкнуть следственный эксперимент. Максим сразу догадался, что сделано это было с единственной целью – запутать суд. Но в этом, к счастью, было отказано, и его защитник чуть не захлопал в ладоши, услышав это решение.

Но победа оказалась первой и последней. В тот день из зала суда Максим вышел уже обвиняемым, мерой пресечения ему выбрали подписку о невыезде. Максим расписался, не глядя, в каких-то бумагах, попрощался со взмыленным, едва переводившим дух защитником и направился к дому. Ленка не работала уже три недели и теперь медленно, но верно сходила с ума от накалявшейся обстановки. Максим торопился увидеть жену, рассказать о том, что произошло сегодня – он запретил Ленке даже подходить близко к зданию суда. Максим чувствовал себя персонажем идиотского комикса – настолько нереальной и противоестественной была ситуация, в которой он оказался. И не сразу заметил, что по противоположной стороне улицы идут трое – замедляют и убыстряют шаг синхронно с движениями Максима, останавливаются и отворачиваются с опозданием. «Мать твою, – Максим даже рассмеялся вполголоса, – вот же твари». Ладно, гады, давайте поиграем. Максим неторопливо двинулся дальше, остановился у ларька, сделал вид, что рассматривает газеты. Дождался, пока подъедет троллейбус и закроет собой обзор, рванул в ближайший магазин. Выходов из торгового центра было несколько, Максим проехал вверх на эскалаторе, быстро пересек зал, спустился по обычной лестнице вниз, вышел с другой стороны здания. Понаблюдал, как рядом с газетным киоском мечутся и орут в мобильники «сопровождавшие», ухмыльнулся и дальним, кружным путем пошел к дому. Но радовался недолго, прекрасно понимая, что слежка – это так, для вида. Напугать, предупредить, показать, кто тут хозяин. Место жительства капитана Логинова всем известно, стоит лишь поговорить с тем же кадровиком. А в том, что без него тут не обошлось, можно не сомневаться. И не уедешь никуда теперь с подпиской этой, только осложнишь все. Можно постараться уговорить Ленку, но это тоже дохлый номер.

– Я без тебя никуда не поеду, – Ленка повторяла эти слова, даже не дожидаясь очередной просьбы, – когда все закончится, тогда все вместе поедем.

То же самое высказала она и сейчас, стоило Максиму произнести: «Лен, может вы все-таки…», отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Нет, надо попробовать по-другому, простыми увещеваниями ее не пронять.

– Поздравь меня, я теперь обвиняемый, – поделился новостью Максим, – под подписку о невыезде отпустили. Будешь мне передачи носить, если что?

– Буду, – незамедлительно согласилась жена, – куда ж я денусь. А за что тебя?

– За то, что выполнил приказ. За то, что действовал, как нормальный человек, а не как эти твари, наверное. Других причин я не вижу. – Максим уселся в кресло, хлопнул по колену ладонью. Фекла немедленно отозвалась на хозяйский зов, прибежала, запрыгнула Максиму на руки, обнюхала, как собака, фыркнула недовольно.

– И попутно бросил тень на командование. Полковник тот, кто операцией командовал, в генералы, наверное, собирался, а тут я со своим Уставом. Не мог все по-тихому обстряпать, докладывать сунулся, отчеты писать… Поломал человеку всю малину.

– А можно было по-тихому? Ну, чтобы никто не узнал? – встрепенулась Ленка. Она обычно вопросов старалась не задавать, зная, что ответа все равно не получит. Но любопытство брало свое, да и скрывать Максиму было уже почти нечего.

– Мог, конечно. Способов полно. Самый легкий – добить уцелевших, скрыться с места происшествия и доложить на командный пункт, что группа до места засады не дошла, так как рядовой Иванов сломал ногу. Правда, пришлось бы для достоверности ногу Иванову действительно сломать. А кто убил всех пассажиров «Нивы»? Конечно же, боевики! Причем сделали это так, чтобы все подумали на военных. Другой вариант – расстрелять задержанных, подбросить им в машину неучтенное трофейное оружие – у нас там с собой было кое-что, по мелочи, – и немедленно передвинуть место засады. Или элементарно наврать, что приказ выполнен, и покинуть место происшествия. Можно было просто сдвинуть место засады на полкилометра. И ничего бы мне за невыполнение такого приказа не было. Потому что ни один полковник никогда бы не признался, что отдал такой приказ.

– А просто не выполнить его ты мог? Ведь видно же, наверно, что это были просто люди… – Ленка не договорила, прикусила язык, почувствовав, что и так наговорила лишнего.

– Я выполнял приказ, – глядя в стену перед собой, повторил Максим, – а просто люди это были или не просто… Я когда приказ услышал, то сразу подумал о том, что такого могли совершить эти люди, что их приказывают ликвидировать. А потом – это уже моя отсебятина – было: «Наверное, это разведгруппа боевиков, знает много чего лишнего. И если их просто задержать, то в комендатуре или в СИЗО возможен контакт с другими задержанными и утечка, вследствие чего погибнет множество наших людей. Командование наверняка все знает, вот и приказало уничтожить их». Вот что я подумал, когда все это увидел и услышал. Моя вина только в том, что я выполнил приказ, – повторил Максим и замолчал. Ленка тоже голоса не подавала, ждала продолжения. Максим чуть откашлялся, заговорил снова:

– И то только в том случае, если приказ – преступный, но тогда и тот, кто его отдал, – преступное командование. Именно так проводили Нюрнбергский процесс: сперва доказали, что приказы нацистского руководства были заведомо преступные и что отдававшие их и исполнявшие знали это. А уже затем доказывали факт отдачи и исполнения уже квалифицированных как преступные приказов отдельных фигурантов. А приказ не выполнить… Мог, конечно, только согласно Уставу в случае отказа командование имело право применить оружие против моей группы. Например, вызвать вертолеты и уничтожить нас всех вместе с боевиками. И была бы ты вдовой, а Васька сиротой. Где она, кстати? – отвлекся от рассуждений Максим.

– Я ее к подружке отпустила, – ответила Ленка, подошла к окну, поправила занавеску. И подозрительно долго возилась там, и Максим увидел, как она трет глаза.

– Лен, уезжайте, пожалуйста, – тихо попросил он, – завтра же. Все равно мы тут не останемся. А недели через две, когда все закончится, я к вам приеду. За мной шли сегодня, трое. Хорошо, что я их заметить успел, ушел. Но это ненадолго, все равно найдут. Уезжай, очень тебя прошу, – глядя в спину жены, повторил Максим.

– В Александров? – полуутвердительно произнесла Ленка слегка гнусавым голосом, и у Максима отлегло от сердца. Согласилась, наконец-то. Билеты надо взять сегодня же и на ближайший поезд, соберутся они быстро…

– Ну да, куда ж еще. Ваську пока в школу пристроишь, а там и я подъеду… – начал по привычке планировать последовательность действий Максим. Но рано

радовался – Ленка развернулась рывком, подошла к креслу, оперлась на подлокотники и, глядя мужу в глаза, прошептала громко:

– Я тебя тут одного не оставлю, понятно? Уедем все вместе – ты, я и Васька. Все, не спорь. – Ленка схватила пригревшуюся на коленях Максима Феклу, прижала к себе и выбежала из комнаты. Только крикнула напоследок: – А если с тобой что-то случится? Если они… – и замолчала, грохнула кухонной дверью.

– Разберусь как-нибудь, – сам себе ответил Максим, – в первый раз, что ли.

Вот и поговорили, называется, только до слез любимую женщину довел и напугал еще больше.

– Согласно вашему отчету ваша группа направлялась лишь для досмотра проезжающих машин, – торопливо, проглатывая слова, говорил защитник, – а фактически вы направлялись в засаду с правом уничтожать любые движущиеся автомобили. Я правильно понял?

Очень подвижный невысокий человечек с белыми ресницами и редкими бесцветными волосами вцепился зубами в кусок пиццы и требовательно смотрел из-под очков на Максима, ожидая ответа.

– Да, верно. Никаких блокпостов вокруг села не было, через полчаса выяснилось, что и функции по досмотру проезжающего транспорта возложены на меня. Я там и за вэвэшников был, за милицию, и за дэпээсников. Это уже не засада была, а черт знает что… А о каком отчете речь? Я не писал ничего подобного, – вяло, почти безразлично проговорил Максим. В судебном заседании объявили перерыв, и Максим с адвокатом коротали время в небольшой пиццерии. Еда отвратительная, кофе быстро остыл, но Максиму было на это наплевать. Он жевал куски резиновой пиццы, не чувствуя вкуса, – первая половина дня просто выбила его из колеи. Он отчетливо понял, что будет сделано все, чтобы обвинить его в преднамеренном убийстве мирных граждан. Множество фактов – явных и скрытых – говорили, вопили об этом, и Максиму хватило своей минимальной правовой подготовки, чтобы быстро сделать единственно верный вывод о том, чем все закончится. Но активно, аргументированно защищаться мешало одно неуместное, лишнее чувство, скорее рудимент. «Так не бывает, они не могут так поступить, это происходит не со мной, не здесь и не сейчас», – Максим непроизвольно думал только об этом. И вот очередные грабли врезали

по лбу – в материалах дела всплыл липовый отчет. Максим прекрасно помнил, о чем писал тогда, в первые часы после возвращения с задания. И о том, что группа могла лишь досматривать машины, там не было ни слова. Он сообщил о том, что в районе находилось гражданское население, которого там быть просто не могло. А оно было и спокойно перемещалось – ездило, ходило. Максим быстро сообразил, что оказался в центре очередного бардака, поэтому действительно все прошедшие ранее машины лишь обыскали и отпустили. Но та «Нива» мчалась напролом, не реагируя на приказ остановиться. Пришлось стрелять, убитыми оказались «мирные жители», которых там и близко быть не должно. Получается, что подставил руководство, за что и огребает теперь за себя и за того парня.

– И что, подпись под отчетом тоже моя? – Максим уже заранее знал ответ, спросил просто так.

– Да, только… – защитник посмотрел по сторонам, перегнулся через столик, прошептал трагически: – Мне кажется, это подделка, я вашу подпись знаю, не похоже…

Толку-то, все уже решено. Воскресни те убитые «крестьяне» и свидетельствуй они в пользу Максима – это делу не поможет. Надежда только на присяжных – они, похоже, поняли, что дело нечисто, и крайним делать Максима не торопятся. Ну, и защитник тоже почти молодец, не боится уже этих «родственников», лихо осадил парочку особо резвых, хоть и шарахался от них поначалу. Ладно, надо идти, вторая часть марлезонского балета скоро начнется.

«Родственники», похоже, никуда не расходились во время перерыва, Максиму казалось, что табор так и живет здесь, в тесном и душном зале. После свежего сырого воздуха вонь в помещении почти сбивала с ног. Максим следом за адвокатом пробирался к своему месту, когда почувствовал, как кто-то схватил его за полу ветровки. Пришлось остановиться, обернуться. Жирное, с кривым носом, закутанное в черные тряпки существо – язык не поворачивался назвать его женщиной – крепко держало Максима. Он попытался высвободиться, но грязные пальцы с обломанными ногтями не разжимались. Ткань треснула, чудовище довольно ухмыльнулось, приподнялось в кресле и поднесло к лицу Максима кривой указательный палец:

– По нашему закону вас накажем, сами накажем… – с трудом разобрал Максим несвязные, произнесенные с жутким акцентом слова. Старуху поддержали

соплеменники, одобрительный рев усиливался, и в нем Максим отчетливо различал угрозы.

– Жену свою береги и дочь! Красивая девочка, у меня таких давно не было, – протявкал из толпы кто-то, его слова пропали в дружном общем ржании. Максим, плохо соображая, что делает, рванулся на голос, но его уже тащили назад.

– Не надо, прошу вас, – тщедушный адвокат Максима вцепился в своего подзащитного обеими руками и ехал за ним по полу, как на буксире, – не здесь, только не здесь, пожалуйста…

Эти слова немного отрезвили Максима, заставили остановиться. Прав адвокат, не здесь. Страх за близких и отвращение затмили разум, но сказанное защитником подействовало, вернуло способность сначала рассуждать, а уж потом действовать. Максим сжал запястье чудовищной бабы, слегка вывернул его, заставил страшилище разжать клешню. Потом отпустил, пошел следом за адвокатом, вытаскивая на ходу из кармана платок. Вытер ладонь, уселся на свое место, не слушая визгливых криков за спиной.

– Максим, ну что вы. Так нельзя, – выговаривал ему как ребенку защитник и повторил уже вполголоса: – Только не здесь. Я бы и сам с удовольствием… если бы мог…

– Ты свое дело делай, – в тон ему ответил Максим, – я уж сам как-нибудь…

Он почти пришел в себя, успокоился, отвечал на вопросы быстро, не задумываясь.

– Я выполнил приказ, не зная точно, кого задержал, и не имел возможности определить, преступный мне отдали приказ или нет. Настоящий преступник тот, кто распорядился убить задержанных, заведомо зная, что погибнут невинные. Я поверил в осведомленность вышестоящего командования, принявшего после изучения документов решение ликвидировать пассажиров «Нивы», и не усмотрел в приказе ничего незаконного. Напоминаю, что мы пытались оказать раненым медицинскую помощь. Будь я и мои люди отморозками и садистами, каковыми нас пытаются представить, то к чему такие сложности? Я приказал бы перебить всех сразу! – Максим замолчал, быстро оглядел зал. Как ни странно,

его выслушали внимательно, шум и гул стихли, но быстро возобновились. Кто-то закаркал в мобильник, адвокат семей убитых выключил диктофон, запихнул его в кожаный портфель.

После этих слов заседание продолжалось недолго, объявили перерыв до завтрашнего дня. Максим вместе с защитником вышли из здания суда, распрощались. Адвокат побежал к припаркованной рядом машине, Максим двинулся домой пешком. И его снова «провожали» – на этот раз эскорт разделился. Двое шли впереди, еще трое – старые знакомые – топали по другой стороне улицы. И всех было видно издалека – поведением, походкой, привычкой орать во все горло они сразу выделялись из толпы. Все, как на подбор, – низкорослые, кривоногие, с больше похожей на щетину, чем на волосы растительностью на голове. Красавцы, аж дрожь берет. Тащить за собой к дому это ораву Максим не собирался, но и удирать тоже было не с руки. Нет, друзья, так дело не пойдет, вам тут не аул. У себя хозяйничайте, а здесь свои порядки. Сейчас объясню для особо одаренных, как говорится. Рядом находился очень нехороший, неудобный перекресток – светофоров натыкана уйма, половина не работает, да на них никто никогда не смотрит. Все идут и едут, как Бог на душу положит, – успел проскочить, и хорошо. Максим подошел к «зебре», остановился рядом с прохожими. Трое преследователей через дорогу немедленно повторили его маневр, краем глаза Максим успел заметить, что подтянулась и шедшая впереди парочка. Сделал вид, что не замечает ничего подозрительного, дождался зеленого сигнала светофора и вместе с толпой шагнул на проезжую часть. Прошел почти до разделительной полосы, развернулся перед носом троих «провожатых» и вместе со встречным потоком людей неторопливо двинулся обратно. Подмигнул на ходу еще двум обалдевшим преследователям и спокойно вернулся на тротуар. Пятиконечный «хвост» в полном составе оказался на проезжей части, гости города не знали, что им делать. Не знакомы они были и с неписаными правилами дорожного движения – на этом перекрестке по умолчанию водители сначала пропускают пешеходов, потом едут сами, стараясь не задеть друг друга. Вот и сейчас все шло точно по сценарию – последний пешеход оказался на тротуаре, и одновременно с трех сторон двинулись машины. Рев двигателей, визг гудков, ругань, знакомые гортанные крики – уже по звуку понятно, что там смешались в кучу кони, люди… Максим слушал эту симфонию с нескрываемым удовольствием. И наблюдал, как мечутся среди машин гордые орлы, машут крыльями и кудахчут, как потревоженные куры. Один из них тыкал пальцем в сторону светофора. Что ты, дружок, на него тут отродясь никто не смотрит, так исстари повелось. А другому особенно не повезло – его то ли задели бампером, то ли сам в свалке не удержался на ногах, но сейчас «наблюдатель» валялся в грязи почти под колесами микроавтобуса.

Водитель – щуплый лысоватый мужик даже не собирался останавливаться, душевно выматерился в приоткрытое окно и двинул дальше. Собратья поднимали поверженного товарища, Максим понаблюдал за представлением еще немного и быстро пошел прочь. Он успел перехватить несколько полных ярости и почти первобытной злобы взглядов преследователей, но лишь сплюнул демонстративно. «Обмен любезностями» закончился, счет пока был в пользу Максима. Но радоваться нечему – зверьки злопамятны, ответка будет, и очень скоро.

Откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, обиженные не стали. Той же ночью Максим проснулся от шороха автомобильных шин под окнами дома. Машина остановилась, и в тишине послышалась приглушенная отрывистая речь. Максим поднялся осторожно, чтобы не разбудить Ленку, оделся быстро, вышел из квартиры, захлопнул дверь. И поднялся на один лестничный пролет вверх, отступил в тень у стены, замер там. Ждать долго не пришлось, снизу поднимались несколько человек. Об отсутствии освещения кто-то заранее позаботился, поэтому поднимались «гости» неуверенно, кто-то споткнулся, матюгнулся вполголоса. Максим терпеливо ждал, глаза его давно привыкли к темноте, и он уже видел три силуэта, маячивших перед дверью его квартиры. Что-то негромко звякнуло в тишине, один из «гостей» дернул дверную ручку, но его оттолкнули в сторону. Тонкий лязгающий звук повторился, что-то негромко треснуло, и Максим одним прыжком оказался рядом с ночными визитерами. И успел вовремя, один уже собирался резать обивку, двое других в бешенстве крутили колесики зажигалок, силясь добыть хоть искру, и непрерывно ругались. Поэтому появление Максима прозевали, не успев понять, в чем дело, уже летели вниз по лестнице. И только попытались подняться на ноги, как снова пришлось падать – в объятия товарищей грохнулся третий. Максим скорее чувствовал все движения противника, чем видел их, поэтому ловко ушел от удара, вывернул занесенную на него руку с ножом за спину оппоненту. Тот хрюкнул, проскулил коротко и отправился в полет башкой вперед, но недалеко – всего лишь на один пролет ниже. Все происходило в полной тишине, за несколько минут побоища никто не издал ни звука. Максим отшвырнул валявшийся на полу нож ногой в сторону, перепрыгнул несколько ступеней сразу и оказался перед только-только поднявшимися на ноги «гостями». Те намерения хозяина поняли правильно, оперативно и неорганизованно отступили, бросив товарища объяснять Максиму цель их позднего визита. Третий жался к стене, попискивал жалобно, и Максим помог ему обрести уверенность в своих силах. Сгреб за шкирку, швырнул вниз и не торопясь двинулся следом, готовый, если понадобится, повторить бросок. Но его помощь больше не потребовалась, посетитель самостоятельно выполз из подъезда, доковылял до машины. Максим наблюдал за ними через окно,

дождался, пока машина, резко газанув, сорвется с места, вернулся домой. Открыл дверь, вошел в квартиру и едва не наступил в темноте на кошку – Фекла вспомнила, что давно не охотилась, и примерялась, как бы удрать через полуоткрытую дверь. Максим отпихнул кошку назад и уже решил, что все обошлось, но напрасно.

– Ты чего? – встретил его грозный шепот из темноты. – Куда собрался?

Ленка проснулась, вышла из комнаты, кутаясь в халат, маячила в коридоре как привидение, и голос ее со сна был хрипловатым.

– Фекла удрать хотела, – быстро соврал Максим, – еле поймал.

– Ага, и дверь сама открыла, – парировала Ленка, но продолжать разговор не стала, вернулась в комнату. Максим прошел следом, посмотрел еще раз в окно. На дороге перед домом пусто, все тихо, только пошел тихий ровный дождик, по подоконнику застучали капли.

– Кто это был? – очень тихо спросила Ленка. – Только не ври.

– Никого. Мне просто показалось, – уверенно ответил Максим, сел на диван, провел рукой по волосам. И представил, как из дома выходит Васька, а внизу ее поджидают три зверообразных существа, подходят близко, говорят что-то непонятное, берут за руку… Как же близко подошли эти твари, и сделать ничего нельзя, каким-то непостижимым образом правда и закон оказались на их стороне. А ему только и остается, что терпеть эти выходки или поубивать зверье поодиночке. Но посадят по-любому: если будет терпеть, то за то, что выполнил приказ, а если прихлопнет хоть одного орла, то еще за одно убийство.

– Макс, не переживай ты так. Ведь в конце концов все выяснится – что ты не виноват, найдут того, кто тогда у вас за главного был, – прошептала из темноты Ленка.

– Нет, уже не найдут. Давно бы нашли, если б захотели, – помолчав, ответил Максим. Из всего происходящего вывод можно сделать только один – слишком высоко взлетел бывший руководитель операции, раз хватило средств откупиться от всех. И прикрыться капитаном Логиновым, повесить на него – не без помощи «добрых» людей – всех собак. Вспомнить бы фамилию этой сволочи… Хотя это

уже ничего не даст, все закончится очень быстро, и от Максима здесь уже ничего не зависит. Может, зря он наврал жене, надо было сказать ей все как есть. Пусть поймет, наконец, что все очень серьезно, и уедет вместе с дочерью подальше отсюда. А Ленка, словно прочитала его мысли, обняла мужа, прошептала:

– Не психуй, все наладится. Ты, и правда, как Фекла, на каждый шорох дергаешься. Может, и мышей вместе ловить будете?

– Может, и буду, – фыркнул в ответ Максим, – я уже ловил, давно, правда.

– Да ты что! И поймал? Ну, хоть одну? Расскажи, – потребовала Ленка, но ответа не дождалась. В голову Максиму пришли другие мысли, далекие от особенностей охоты на грызунов.

Но уже вечером того же дня стало понятно, что «гости» от своих намерений не откажутся. Максим уже возвращался после очередного судебного заседания, когда позвонила Ленка. И подозрительно спокойным и ровным голосом попросила его поскорее прийти домой. Максим оказался у подъезда через десять минут, увидел уже издалека качавшуюся на качелях Ваську и жену. Она стояла рядом с квартирной хозяйкой, молча и покорно слушала речь пожилой взволнованной женщины.

– Добрый вечер, – Максим быстро осмотрел всех присутствующих. На первый взгляд ничего страшного не произошло – вроде спокойны, только говорят как-то неуверенно. И слов подобрать не могут, запинаются, как сговорились.

– Макс, там, в подъезде… Я не знаю, что это означает. То ли рисунки, то ли… Посмотри, пожалуйста. Мы тебя тут подождем, – промямлила Ленка и старалась не смотреть на хозяйку квартиры. Та лишь кивала и почти со страхом поглядывала на Максима.

– Ладно, ждите. – Максим направился к подъезду, уже примерно представляя себе, что там увидит. И ошибся лишь в деталях. Картинка действительно оказалась жутковатой, особенно в таком исполнении, да еще и в тесном помещении. Такая наскальная живопись обычно украшала фасады полуразрушенных домов, заборы, но не замкнутое пространство лестничной клетки. Максиму сначала показалось, что стены покрыты копотью или сажей – но

нет, это оказалась обычная черная краска из баллончика. Буквы огромные, почти в половину человеческого роста, сливались в слова – стандартный набор оскорблений и угроз. И подпись – название гордого племени, только подобное написание Максиму встретилось впервые. В трех местах – дверь их квартиры, и обе стены рядом – украшал очень похожий на свастику иероглиф. Строка начиналась под окном на лестничной площадке внизу, вползала вверх и через все три двери и простенок уходила дальше, к окну на площадке между вторым и третьим этажом. Краски зверье не пожалело, пустые баллончики валялись на ступенях. «Стены покрасить, дверь поменять», – быстро прикинул Максим, как можно устранить последствия набега полуграмотной орды. Даже ему, мало знакомому с письменностью диких народов, удалось найти в надписи две ошибки. А дверь менять придется за свои, но деваться некуда. Об этом он и сообщил вернувшейся жене.

– Придется, – согласилась Ленка, – и поскорее. Из дому выйти страшно. А что там написано?

– Черт его знает, я не понимаю, – Максиму пришлось снова соврать, но на этот раз Ленка, кажется, поверила.

Остаток недели и выходные прошли почти спокойно. Максим добросовестно, как на работу, являлся в суд, общался с защитником, отвечал на вопросы. И делал вид, что не слышит ругани, угроз и обещаний «разобраться» с ним прямо сейчас, немедленно. Вертелся на языке вопрос к защитнику «потерпевших» – что же вы, уважаемый, не видите, что происходит? Или оглохли? Но решил промолчать. Во-первых, бесполезно, а во-вторых – зачем раскрываться перед противником? Пусть и дальше считают, что их каркающе-шипящий язык ему незнаком. За последний месяц «языковой практики» Максим вспомнил основательно подзабытые им слова и понимал почти все, о чем говорили «дети гор». А те зверели день ото дня, процесс затягивался, присяжные не торопились с решением, тянули, как могли. Люди понимали, что дело нечисто, и отправлять невиновного человека в тюрьму были не готовы. Обстановка накалялась, спектакль затягивался, и Максим чувствовал, что долго так продолжаться не будет. Только гадал, кто первый не выдержит, у кого сдадут нервы, что или кто приведет в действие лавину. Решение по его делу уже принято где-то очень далеко отсюда, на пути «правосудия» остались только он и присяжные. К нему уже «приходили», и не раз, не исключено, что и с присяжными тоже будет «проведена» работа. Или уже ведется. И что ему делать тогда? Идти в тюрьму, как барану на заклание? Отвечать за чужую ошибку или преступную глупость?

Мысли причиняли почти физическую боль, да еще и уезжать Ленка отказывалась наотрез, уперлась – они разругались вдрызг, Максим даже наорал на жену, чего не делал еще ни разу в жизни. Потом извинялся, просил прощения, Ленка тоже призналась, что не права. Но толку-то? Он здесь, они там, и черт его знает, что происходит рядом с домом.

Ничего хорошего, как и следовало ожидать. Двое «наблюдателей» сидели на скамейке у подъезда, следили за всеми проходившими мимо, громко обсуждали каждого. Максим остановился напротив, убрал на всякий случай руки в карманы, смотрел молча то на одного, то на другого. Зверьки сначала щерились, демонстрировали недвусмысленные жесты, даже фотографировали его на камеры телефонов. Максим не произносил ни слова, но и уходить не собирался. Если надо, он простоит тут до ночи, до завтрашнего утра – сколько надо, пока эти твари не уползут в свои вонючие норы. Странно, что их только двое, маловато будет. Злость, даже остервенение накапливались быстро, нужная концентрация отравы будет достигнута скоро. И что тогда делать – вежливо попросить их убраться прочь? Или сломать обоим хребты и зашвырнуть трупы в подвал? Второй ход был чертовски привлекателен, и Максим уже сомневался, что сумеет устоять перед искушением. Позади послышался звук работающего двигателя, шорох шин по асфальту. Эти звуки произвели странное воздействие на чужаков. Один вскочил, заметался перед лавкой, второй не двигался, смотрел на дисплей телефона, лихорадочно жал на кнопки. Максим обернулся рывком – вдоль дома медленно ехала патрульная милицейская машина, притормозила рядом, остановилась. Из нее вышли двое, вразвалочку направились к сидящим на лавке людям. Максим посторонился, пропустил милиционеров, отступил немного назад.

– Документы, – негромко потребовал у зверья сержант, щелкнул пальцами, – быстрее, чего расселся?

Но реакция гостей была странной, один зачем-то вскочил на лавку, попытался перепрыгнуть невысокую ограду газона, но не успел. Его стащили назад, уложили мордой в асфальт. И упустили второго – тот, забыв по традиции о товарище, – отбежал в сторону и рванул прочь. Максим бросился следом, догнал беглеца, швырнул его на мокрую траву. И от души, не сдерживаясь, врезал ему несколько раз по ребрам. Встряхнул задержанного, убедился, что тот в сознании, и потащил обратно к подъезду, сдал из рук в руки стражам порядка.

– Спасибо, ведь ушел бы, – милиционеры затолкали обоих зверьков в «уазик», захлопнули дверь.

– Не за что, – искренне ответил Максим.

– Прикинь, три случая за сегодня. У двоих сумки вырвали, у пацана телефон отняли, да еще и по голове надавали, – поделился с Максимом сержант, ловивший первого орла.

– Думаете, они? – Максим показал на заднюю дверцу «уазика».

– А кто еще? У нас тут такого давно не было, как тварь эта в городе появилась, так началось. Это только у нас три случая, я про остальные районы молчу.

Все понятно, гости города вышли на привычный, традиционный для своего племени промысел – добычу денег и мобильных телефонов из карманов и сумок граждан. Максим даже не удивился услышанному – чего еще ждать от людей, которые малюют на стенах свастику? «Может, это доброе дело мне зачтется», – подумал Максим, глядя вслед отъезжающему патрульному «уазику», усмехнулся невесело, вошел в подъезд.

И зачлось, вернулось незамедлительно, той же ночью. «Благодарность» на сей раз влетела в окно. В стекло ударилось что-то тяжелое, посыпались осколки, предмет врезался в занавески и грохнулся на подоконник, перекатился, рухнул на пол. Это оказалась бутылка с бензином – к счастью, она не разбилась, а «фитиль» на хвосте не успел хорошенько разгореться. Максим схватил «снаряд», вышвырнул его обратно. Все произошло очень быстро, Ленка даже не успела сообразить, в чем дело. Прошептала только, глядя спросонья на мужа:

– Она нас выгонит. Дверь, теперь окно… На улице жить будем.

Максим пропустил ее слова мимо ушей, прислушивался к звукам с улицы. Потом поднялся, подошел к окну, осторожно отодвинул штору. Подоконник усыпан осколками, перевернут горшок с цветком – вот и весь урон. Если не считать разбитого стекла, конечно. Ну, это мелочи.

– Что это было? – потребовала подробностей жена, и Максим решил, что врать больше не будет. Время для разговора не очень подходящее – третий час ночи, но так уж получилось.

– «Коктейль Молотова». Или просто бензин, я не понял. Если бы бутылка разбилась, мы бы уже сгорели, – Максим говорил просто и буднично, словно речь шла о походе в магазин за картошкой, – но нам повезло. Или действовали дилетанты, или просто пугали. Скорее всего, последнее. Я им пока живым нужен.

Ленка молча вскочила, побежала в соседнюю комнату, но быстро вернулась.

– Васька спит, – прошептала она, – не слышала, наверное. А если они опять…

– Могут, – коротко отозвался Максим, – запросто. – И понял, что не уснет до рассвета, будет прислушиваться к каждому шороху, следить за каждой тенью. Из разбитого окна в комнату врывался холодный воздух, занавески шевелились, и неприятно шуршал тюль. И ничего подходящего под рукой, чтобы закрыть пробоину. Ленка завернулась в одеяло и вопросов больше не задавала. Максим оделся, вышел в кухню, уселся у окна, смотрел, не отрываясь, в переплетение черных подвижных теней. «Уроды, скоты. Мало я вас, твари…» – в бессильной ярости думал он. И оформилось давно зревшее, бродившее глубоко внутри чувство – чувство вынужденного бессилия, невозможности противостоять вторгшейся в его жизнь орде, защитить близких. Нет, способов он знал немало, но все они не годились здесь, дома. Если начать действовать по правилам, принятым на «той» стороне, то это будет означать только одно – войну. Причем в одиночку, против всех – полудиких человекообразных существ, закона, власти одновременно. И за спиной при этом только два беззащитных человека и никого больше. Да, еще адвокат этот, видно, что он старается, но толку-то от его усилий. «Все давно решено, и не здесь». – Максим вздрогнул от неожиданного прикосновения. Это подошла проснувшаяся от шума кошка, потерлась о ноги, взгромоздилась на колени. Так и сидели до утра, пока не пришла Ленка, она старательно отворачивалась, но в утренних сумерках Максим разглядел покрасневшие от слез глаза жены.

Стекло заменили, осколки собрали, в горшок с цветком Ленка насыпала свежей земли. Квартирной хозяйке было решено ничего не говорить, чтобы не напугать пенсионерку еще сильнее. Ей хватит и истории с размалеванными стенами и дверью. А то, и правда, заставит выметаться, и что тогда? Жить-то негде,

хочешь – не хочешь, а уедешь в этот Богом забытый Александров. Максим долго готовился к решительному разговору с женой, повторял перечень аргументов, выдумывал разумные доводы, когда все решилось само собой. В тот день утром из квартиры первая вышла Ленка, она собиралась подстричься. Зазвонил мобильник, она замешкалась в дверях, ответила на звонок.

– Что? Вы кто? Что вам надо? Я не понимаю… – твердила она в трубку, а Максим не сразу сообразил, в чем дело. Потом вырвал у жены телефон, поднес к уху. И услышал развязный, говоривший с сильным акцентом голос, неторопливо перечислявший, что ждет Ленку и ее дочь, если… Дальше все было понятно, Максим уже заранее знал, что означает это «если».

– Если ты, свинья, не заткнешься, я тебя… маму твою… папу… сестру… Всю твою гнилую родню, до кого доберусь… сам… – Максим говорил очень спокойно, но выражений не выбирал, прекрасно знал, что «собеседник» его поймет. Разговор быстро прекратился, Максим вернул телефон жене, оделся. И успел заметить, как воспользовавшаяся заминкой Фекла выскочила на площадку и рванула вниз по лестнице. Ладно, нагуляется – придет, в первый раз, что ли. Ну не бежать же за ней, в самом деле.

– Пошли, – скомандовал он, – провожу. Только недолго.

– Хорошо, – всхлипнула Ленка, дрожащими руками открыла сумку, бросила на дно телефон.

Пока Ленка сидела в салоне, Максим успел зайти в магазин, купить кое-что из продуктов. И прихватил зачем-то пакет с кошачьим кормом. Пошла она на фиг, эта Фекла, пусть нормальную еду лопает, как все кошки. А то свежатину ей подавай, разбаловалась. И поймал себя на мысли о том, что думает о чем угодно, только не о том, что произошло полтора часа назад. Звонок на мобильник жене – один из способов запугивания, это понятно. А если позвонят Ваське… Максим вырвал из кармана трубку, набрал номер дочери.

– Я дома, – с тоской в голосе отчиталась она, – рисую. Нет, никто мне не звонил, только ты. Выключить телефон? Зачем? А если Вика мне позвонит…

– Делай, что я тебе сказал! – рявкнул Максим, и на него посмотрели одновременно несколько человек в очереди к кассе. – Сейчас же, поняла?!

Васька не ответила, но когда Максим через минуту еще раз набрал ее номер, услышал автоответчик: «Аппарат абонента выключен…» Максим расплатился, вышел из магазина, вернулся за Ленкой. Она подстриглась очень коротко, как мальчишка, стала словно выше ростом и еще тоньше.

– Мне не нравится, – буркнул Максим, увидев жену, – ты еще бы наголо побрилась.

Сколько раз просил ее – отрасти волосы, так нет – упирается, делает все по-своему.

– Как только все закончится, перестану стричься. Вообще. И будет у меня коса до пояса, – неживым голосом отозвалась Ленка на «комплимент» мужа, – вот увидишь.

– Посмотрим, – ответил Максим. Знать бы только, когда все это закончится. И, главное, чем?

Перед дверью квартиры стояла коробка. Обычная, из-под бумаги формата А4 – ничего подозрительного, сверху прикрыта картонкой. Максим заставил Ленку остановиться на ступеньках, подошел осторожно к двери, осмотрел коробку со всех сторон, чуть толкнул в стенку. Тяжелая, внутри что-то есть, но ни запахов никаких, не звуков от коробки не распространяется. Очередной сюрприз. Что на этот раз – пластит, граната? Нет, вряд ли. От этих тварей можно ждать чего угодно, но чтобы подбросить под дверь взрывчатку, надо совсем не иметь мозга, даже спинного. Максим сдвинул кончиком пальца лежащую сверху картонку, заглянул внутрь. И сразу схватил коробку в руки, отбежал с ней вверх по лестнице на площадку между вторым и третьим этажом. Фекле свернули шею – голова кошки неестественно повернута, один глаз полуоткрыт, виден желтый зрачок. Роскошный хвост вытянулся вдоль высокой стенки, и Максим зачем-то старательно уложил его рядом с уже остывшим тельцем трехцветки.

– Что там? – дрожащим голосом спросила Ленка, сделала несколько неуверенных шагов к мужу. Максим отступил назад, прислонился спиной к стене. Отступать дальше некуда.

– Фекла, – ответил он, и Ленка остановилась, вцепилась в перила.

Максим прижал коробку к груди.

– Иди домой, я сейчас вернусь. – Он дождался, когда жена войдет в квартиру, сбежал по лестнице вниз, вошел в подвал. Прошел в душной сырой темноте вдоль стены к дальнему углу, поставил там коробку. Присел на корточки, прислушиваясь к шорохам и пискам, глубоко вдохнул затхлый воздух. Эти твари знали о них все, даже о том, как выглядит домашнее, крайне редко вырывавшееся на свободу, животное. С того дня, как все началось, Фекла удирала погулять только один раз, это было почти месяц назад. Максим медленно поднялся на ноги, уставился в толстую трубу отопления перед собой. Сегодня они с Ленкой отсутствовали часа два, не больше, Васька была дома одна. Одна десятилетняя девочка за тонкой дверью, отделяющей ее от бешеного зверья… Максим помчался наверх, запрыгал через ступеньку, ворвался в квартиру. На кухне Ленка рыдала в голос над пакетом с кошачьим кормом, рядом плакала Васька. Максим остановился, смотрел на обеих, пытался собраться с мыслями. События развивались слишком быстро, он не успевал за ними, и не потому, что не заметил что-то, не услышал или не понял. Нет, до сих пор он почему-то был твердо уверен в том, что до этого не дойдет. Попытка поджечь дверь, «наскальная живопись» в подъезде – это ерунда, мелочи. Влетевшая в окно бутылка с бензином по большому счету тоже, но сегодня зверье подошло к его дому слишком близко, остановилось на пороге. А в следующий раз они его переступят, и что тогда? Двух или трех он успеет убить даже голыми руками или кухонным ножом. И что предъявит в свое оправдание? Счет за замену двери и магазинный чек за краску? Оставшийся в памяти телефона номер входящего звонка? Труп кошки в коробке или дрожащую от слез и страха жену?

Ленка посмотрела на мужа, попыталась сказать что-то, но снова разревелась. Потом собралась с силами, обняла Ваську и произнесла дрожащим голосом:

– Пошли за билетами. Мы уедем. Я сделаю все, что ты скажешь.

Билеты он взял до Новороссийска, и до отъезда всем и каждому рассказывал, что отправляет жену с дочерью на море. Все логично – бархатный сезон, самое время отдохнуть и набраться сил перед долгой зимой. А то, что ребенок пропустит первое сентября, – так и черт бы с ним, главное, здоровье. Васька и так постоянно болеет, а тут такая возможность поплескаться в море.

– Выйдете во Владимире, пересядете на этом же вокзале на электричку. До Александрова полтора часа, дальше на маршрутке, – сотый по счету раз инструктировал жену Максим, она покорно слушала, собирала вещи. Набралось много – два чемодана, хорошо хоть, один на колесиках. До отхода поезда оставалось пятнадцать минут, Максим сидел в купе, смотрел на уже обосновавшуюся на верхней полке дочь. Неожиданный отъезд на море быстро стер из ее памяти и слезы матери, и исчезновение Феклы. Ленка старалась соответствовать моменту – улыбалась, но вымученно, нестрогим голосом делала дочери замечания. А Васька, чувствуя слабину, резвилась напропалую.

– Провожающие, выходим, – проорала проводник, прошла по узкому коридору, профессионально отделяя взглядом пассажиров от тех, кто ехать не собирался. Максим поднялся, поцеловал Ваську в щеку, обнял Ленку.

– Все будет нормально, – в который раз произнес он волшебные слова, – все будет хорошо. Не забудь, где ты выходишь, – прошептал он на ухо жене.

– Я помню, – так же тихо ответила она. – Ваську жалко, расстроится.

– Ничего, скажешь, что вместе поедем. Когда я вернусь. Все, я позвоню.

Он выскочил из вагона в последний момент, когда поезд уже тронулся. И все шел рядом с вагоном до тех пор, смотрел в окно. Ленка улыбалась, терла глаза, Васька что-то чертила пальцем на стекле, прижималась к нему то щекой, то носом. Поезд набрал скорость, Максим отстал, дошел почти до края перрона, остановился. Мимо пронесся последний вагон, его замотало на рельсах. Максим посмотрел ему вслед, развернулся и медленно пошел к зданию вокзала. И до темноты слонялся по городу и только поздним вечером заставил себя вернуться в пустую квартиру.

Глава 2

Судьбоносное заседание суда состоялось в четверг, через неделю после отъезда Ленки. Она благополучно добралась до Александрова и уже устраивалась в новом пусть неудобном, но все же в своем доме. О чем и докладывала дважды в

день по телефону. И каждый разговор заканчивался одинаково.

– Когда ты приедешь? – спрашивали жена и дочь, и Максим повторял одно и то же:

– Скоро, подождите еще немного.

И не кривил душой – дело шло к развязке, и к концу недели Максим уже догадывался, каков будет вердикт присяжных. Тот факт, что группа, которой руководил капитан Логинов, действительно произвела выстрелы по автомобилю «Нива», в котором находились шесть человек, и впоследствии уничтожила эту машину путем поджога, был доказан. Однако, по мнению присяжных, эти действия военнослужащие совершали, не выходя за пределы своих полномочий.

– Все идет к тому, что вас оправдают, надо дождаться понедельника, когда будет готово решение суда, – защитник на радостях стащил с себя очки, нелепо хлопал белесыми ресницами, улыбался глупо, жал Максиму руку.

– Надеюсь. – Максим высвободил ладонь из хлипких лапок адвоката, направился к выходу. И не сразу сообразил, что здесь нечисто, то ли расслабился на радостях, то ли просто зверски устал. В зале было очень тихо – ни громких голосов, ни криков, не звонили мобильники. Максим с защитником быстро пробирались через зал под ненавидящими взглядами множества недобрых глаз. Стая чувствовала, что добыча уходит из-под носа, но сделать ничего не могла. Адвокат потерпевших тянул шею, поднимался на цыпочки, смотрел Максиму вслед, попытался крикнуть что-то, но осекся на первом же слове.

«Доживем до понедельника», – крутилось в голове у Максима, пока он шел к дому. Кажется, его снова «провожали», но на это уже наплевать. «Пусть таскаются, сколько хотят, черт с ними. Ленку и Ваську им не найти, а со мной разговор короткий», – злорадствовал про себя Максим. И решил, что пора собираться, чтобы уехать сразу после того, как будет оглашен приговор. Максим по привычке мысленно составил список неотложных дел – рассчитаться с квартирной хозяйкой, купить кое-что в дорогу, сложить вещи. В тот день он успел даже написать и отнести в штаб очередной рапорт с просьбой об увольнении.

– Не раньше понедельника на подпись отдам, – предупредил кадровик. Белобрысый майор избегал смотреть на Максима, воровато отводил глаза, снова копался в ящике стола. И спросил напоследок, когда Максим уже открыл дверь кабинета:

– Что делать-то дальше будешь?

– На море поеду, к своим, – бросил в ответ Максим первое, что пришло ему в голову, и, не попрощавшись, рванул по коридору прочь.

На сборы и подготовку к отъезду ушла вся суббота. Квартиру надлежало сдать в том же виде, в каком она была передана им во временное пользование. Больших усилий для этого не потребовалось, к вечеру двушка напоминала общежитие – стала такой же нежилой и неуютной. Максим позвонил квартирной хозяйке, договорился с ней о завтрашней встрече и понес к контейнеру пакет с мусором. А когда возвращался назад, увидел издалека в наплывавших дождливых сумерках смутно знакомую фигуру. Невысокий тщедушный человечек брел по лужам под нелепым клетчатым зонтиком, останавливался перед каждым подъездом. Максим подошел неслышно, остановился за спиной адвоката.

– Вы ко мне? – Человечек вздрогнул, повернулся рывком, оступился и едва удержался на ногах.

– Да, к вам, – пробормотал он, завертел головой по сторонам, – вы один? Мне надо сказать вам кое-что…

– Давайте зайдем, – Максим шагнул к подъезду, гость прыгал через лужи следом. Своим видом он напомнил Максиму синицу – такой же мелкий и юркий, также смешно скачет и быстро крутит головой.

Поднялись на второй этаж, вошли в квартиру. Максим потянулся к выключателю, но адвокат остановил его:

– Подождите, не надо. Мой визит, так сказать, неофициальный, меня тут вообще не должно быть… Я не уверен, что поступаю правильно, но по-другому почему-то не могу.

– Да пожалуйста, – Максим подивился про себя: к чему такая конспирация? Но спорить не стал, шагнул в кухню, вытащил из-под стола табурет, сам устроился на пустом узком подоконнике. Адвокат в темноте видел плохо, врезался сначала в угол стены, потом налетел на стол, сшиб табуретку. Извинился за свою неловкость, поднял, уселся, наконец, и затих. Максим молча ждал, предоставил гостю право первого слова.

– Максим, я считаю, что должен предупредить вас. Сегодня мне стало известно… мне сообщили… у меня есть хорошие знакомые, они мне кое-чем обязаны… – бормотал адвокат, и по его тону было понятно, что дальше ничего хорошего Максим от него не услышит.

– Я слушаю, – негромко подбодрил он своего гостя, – говорите. И не переживайте – от меня никто ничего не узнает.

– Да не в этом дело! – с досадой махнул рукой адвокат. – Тут вот что. Я просто не знаю, как это называется – то, что произошло сегодня. Утром, часов в десять, приехал этот, который главный у них… ну, вы понимаете, – гость показал рукой куда-то себе за плечо и продолжил: – Со свитой на трех машинах, представляете, и охрана с ним. Там такое зверье, бандиты настоящие. Мне позвонили, я подъехал, а подойти побоялся. Мне кажется, что они бы меня пристрелили, – шепотом поделился своими опасениями защитник с Максимом.

«Могли», – чуть не ляпнул тот в ответ, уже представляя себе ту картину, которую старался описать ему адвокат. Но сдержался, обернулся, посмотрел в дождливую темноту за окном. А защитник продолжал:

– Так вот, к чему я это говорю… По его приказу вызвали судей, и заседание состоялось, но уже изъяв дело из юрисдикции суда присяжных, и даже знаю почему. Присяжные не обязаны мотивировать свой вердикт, а профессиональный судья обязан. За полчаса вынесли обвинительный приговор, об этом объявят на заседании в понедельник. Вас обвиняют в том, что вы расстреляли задержанных по личной инициативе, и признали виновным сразу по четырем статьям. А это организация и подстрекательство к убийству шести лиц, заведомо находившихся в беспомощном состоянии, совершенного группой лиц по предварительному сговору; организация умышленного уничтожения чужого имущества, причинившего значительный ущерб и совершенного путем поджога. И при этом вас лишили права на защиту по требованию этого уголовника! И знаете, какую он назвал причину всего этого спектакля? «Недопонимание

присяжными по данному уголовному делу воли моего народа!» – Глаза защитника блеснули в темноте, и Максиму некстати вспомнилась Фекла. Как лопала она под этим самым столом мышь и не желала расставаться с добычей. И как лежала, свернувшись в клубок, в коробке, и желтый тусклый зрачок мертвых глаз кошки.

– И как только вы явитесь в понедельник в суд, вас сразу же возьмут под стражу, – вымученным шепотом договорил адвокат и умолк.

– Понятно, – после паузы отстраненно ответил Максим, – а как вы считаете, на сколько меня посадят?

– Могу только предположить, что это будет лет пятнадцать, не меньше. Максим, я вас предупредил, дальше решайте сами, – вскинулся защитник, вскочил с табуретки, забегал по кухне.

– Это не правосудие, а я не знаю, что такое! Приехала какая-то немытая горилла, и все запрыгали вокруг нее, как у новогодней елки! – возмущался он, потрясал кулаками. Максим наблюдал за своим адвокатом, одновременно прислушивался к себе – слова защитника не вызвали в нем никаких эмоций. Даже странно, впрочем, нет. Как бы он отреагировал на то, если бы сейчас рядом с домом приземлился НЛО и из него вышли зелененькие человечки? Правильно – не поверил бы своим глазам, сказал бы что-то вроде – «так не бывает». А все, сказанное адвокатом, было из той же оперы – так не бывает. Но оно было, произошло сегодня, несколько часов назад. И не просто изменило, а сломало к чертовой матери его судьбу и, может быть, судьбу близких ему людей.

– Вы не правы. Это правосудие, только другое, – прервал адвоката Максим, – называется адат, нормы, которые сложились в условиях господства родоплеменных отношений. И кровная месть, выплата «цены крови» – его неотъемлемая часть.

А сам подумал вдруг, что все это может оказаться чистейшей воды политикой. И что где-то далеко и высоко принято решение голову капитана Логинова отправить в столицу гордого племени как символ замирения.

– Простите? – не понял защитник. – При чем тут роды и племена? Это ж когда было, при первобытнообщинном строе… – и осекся, замолк, понял, наконец, с

кем ему и его подзащитному пришлось иметь дело.

– У них это никуда и не делось, так и живут по сей день. Нация-дегенерат с соответствующей звериной культурой. Не удивлюсь, что будет еще один процесс, только на их территории. Там, где совершено преступление. Ну, вы меня поняли…

– Да, конечно. Максим, я вас предупредил, рассказал все, что мне стало известно. Надеюсь, что наша встреча… – защитник не договорил. Максим спрыгнул с подоконника, подошел к своему адвокату.

– О ней никто никогда не узнает. Во всяком случае, от меня, – очень тихо повторил Максим и добавил: – Я очень благодарен вам и при случае обязательно верну долг. Как порядочный человек, я просто обязан это сделать. Пойдемте, я провожу вас.

– Да, если вам не трудно, – адвокат нашел в темном коридоре брошенный там мокрый зонт, вышел из квартиры. Максим довел адвоката почти до его дома, подождал, пока тот зайдет в подъезд. И неторопливо пошел обратно, натянул на голову капюшон куртки, засунул руки в карманы. На принятие решения времени почти не осталось. Было уже воскресенье, первый час ночи, завтра, в понедельник, Максим должен явиться в суд. Для того чтобы пойти оттуда прямиком в тюрьму. Или участвовать в следующем процессе на территории, где было совершено преступление, там нужные присяжные быстро проникнутся «пониманием воли народа», а это верная смерть без суда и следствия. И без возможности защитить себя. Выходов Максим видел два – оставить все как есть, дожить до понедельника и явиться в суд. Или сейчас же, немедленно, вернуться в квартиру, взять собранный уже рюкзак и как можно скорее убираться прочь из города. Куда? Да какая разница – на все четыре стороны. Но как бы Максим ни поступил, в финале его поджидало только одно – гибель, но во втором случае она будет лишь отложена во времени на неопределенный срок. «Конечно, лучше помучиться», – мелькнула мысль, Максим улыбнулся криво, остановился перед подъездом. Но сколько в этом случае придется мучиться, зависит только от него самого. Такого задания ему выполнять еще не доводилось – одному против всех. Против тех, кто преследует дикие законы кровной мести, против руководства той злосчастной операции, стремившегося уйти от ответственности за бездарную организацию этой самой операции, в ходе которой погибли мирные жители. Против власти и всех силовых структур одновременно.

Когда они с группой выходили на боевые задания в тыл противника, их прикрывала армия и держала наготове пути для возвращения, но сейчас на чью-либо помощь рассчитывать глупо. Теперь он стал той самой костью, которую вот-вот бросят первобытной своре, чтобы задобрить ее. И он может либо покорно пойти на заклание к продавшей его власти, прося о пощаде, либо пойти против. За человеком, принявшим присягу и не отказавшимся подчиниться властям, будут охотиться все. Объявят в розыск, и вся территория России станет местом, где слишком много силовых структур будут заинтересованы в том, чтобы его, капитана Логинова, не стало. Да и дикари не успокоятся, они будут искать Максима, что ему, собственно, и нужно. Сейчас главное – отвлечь зверье от своих близких, заставить гоняться за собой, увести подальше от жены и дочери. Это будет побег не от правосудия, а в поисках его.

Вот и все, ситуация разобрана, разложена по полочкам, дальнейшие действия понятны, хоть и непросты. От этих мыслей Максиму стразу стало легко и даже радостно, так бывает всегда, когда подсознательно понимаешь, что принял верное решение и ступил на нужный путь. Ничего, у него все получится. Пусть эти твари побегают за ним, он заведет их в такие дебри, что Сусанину и не снились. «И умирать вы там будете долго, я уж постараюсь», – Максим вполголоса выругался от злости. Нет, так не пойдет, он не может позволить себе испытывать гнев, пользы от этого никакой, а вред существенный. Ненависть и злоба изматывают, а кто знает, как долго придется держать оборону и на сколько все это затянется. Надо отдохнуть перед завтрашним днем, он обещает быть долгим. До понедельника ему ничего не грозит, так и будем вести себя так, словно ничего не произошло.

Воскресный день прошел как обычно. Верный легенде, Максим съездил на вокзал, купил билет до Новороссийска. Потом слонялся по городу, бродил бесцельно, смотрел по сторонам. Пару раз ему показалось, что он видит «знакомые» физиономии зверьков, но проверять свою догадку не стал. Держались они на расстоянии, близко подходить то ли не решались, то ли полученная вводная удерживала детей гор от активных действий. Вечером Максим позвонил Ленке. Голос жены показался ему усталым и грустным.

– Что случилось? – спросил он.

– Васька болеет, простудилась. Здесь сыро, холодно, обогреватель нужен. Завтра куплю какой-нибудь, – сообщила Ленка и тут же перевела разговор на другое: – У тебя как? Когда это закончится?

– Завтра последний день, – эти слова Максим произнес быстро и уверенно. Что бы ни произошло завтра, кончено будет очень многое. Его прежняя жизнь, в первую очередь. Но переход на нелегальное положение должен пройти гладко. Был человек – и нет человека. Несчастный случай – идеальный вариант, но времени на подготовку нет, придется импровизировать.

Судебное заседание было назначено на десять часов утра, и Максим вышел из дома за сорок минут до его начала. Двинулся неторопливо по знакомым улицам, осматривался украдкой по сторонам. Без «провожатых» не обошлось, но свита Максима разочаровала. Три знакомых заросших физиономии уже успели примелькаться за последние недели. Хотя, может, это сделано просто для того, чтобы отвлечь внимание жертвы от основных действующих лиц. Проверим. Максим резко остановился, растерянно захлопал себя по карманам. И выругался с досадой, развернулся, двинулся назад. И сразу же, в то же миг, на дороге рядом резко затормозила одна из машин, сдала назад, начала разворачиваться через сплошную линию. Послышался короткий глухой звук удара, заревели автомобильные гудки. Следившие за Максимом люди забыли, где находятся, и поздно вспомнили, что машина – не ишак, а проезжая часть – не горная дорога. За что и получили – в ободранный неприметный «жигуль» преследователей врезались сразу две иномарки. Крики, все, положенные в таком случае к высказыванию эпитеты, Максим слушать не стал. Снова остановился, покопался для вида в небольшом рюкзаке, который нес в руках, и двинулся в прежнем направлении. Осмотрелся еще раз – из всех преследователей осталась прежняя троица, они торопливо догоняли «объект» по противоположной стороне дороги.

Максим глянул на наручные часы – до начала заседания оставалось немногим больше четверти часа. Хорошо, пока все идет так, как он планировал. Максим уже подходил к нехорошему перекрестку, преследователи не отставали, шли параллельным курсом. И даже не считали нужным скрываться, пялились в открытую, разве только пальцами в его сторону не показывали. И непрерывно орали что-то в мобильники, впрочем, Максим догадывался, что именно. Жертва покорно топает на бойню, все в порядке. Максим остановился у кромки тротуара вместе с толпой, посмотрел вдаль, на ведущую к автовокзалу дорогу. Так, пока рано, надо подождать. Преследователи остановились на другой стороне дороги, терпеливо ждали, когда «объект» сам придет к ним в руки. Переходить проезжую часть не решались, так и не поняли, видимо, как это делается, или боялись вновь опозориться. Максим же не спешил, вытащил из кармана рюкзака мобильник, отступил немного назад, пропуская ринувшуюся на дорогу толпу. И минуты три делал вид, что говорит по телефону. До тех пор, пока с четвертой

стороны перекрестка не остановился автобус. Максим не сводил с него глаз, тот же не торопился, выехал на перекресток, пропустил перед собой маршрутку и вырулил, наконец, в нужном направлении, остановился. И закрыл собой Максима от глаз преследователей. Максим бросился вправо, подбежал к открывавшейся двери, пропустил перед собой взлохмаченного парня в наушниках и мешковатой одежке, влетел за ним по ступенькам в автобус. И пригнулся, накинул на голову капюшон. Следом за Максимом вошли еще люди, водитель быстро считал деньги, раздавал билеты.

– До конечной, – сказал Максим и посмотрел в окно. Дорогу за автобусом в обе стороны пересекал поток прохожих. Двери закрылись, автобус тронулся вперед. Максим пробежал по салону, нашел свободное место в дальнем его конце, уселся у окна и задернул занавеску. Через окно с другой стороны он видел, как мечутся по тротуару преследователи, машут руками, орут друг на друга. И даже приподнимаются на цыпочки, пытаясь высмотреть исчезнувший «объект». И хватаются за телефоны, конечно. Только весть уже не радостная – жертва исчезла. Растворилась в воздухе, улетела, провалилась под землю – вариантов было завались. И что теперь делать – непонятно, куда бежать, где искать…

– Пока, придурки, – вполголоса попрощался с ними Максим, откинулся на спинку кресла. Автобус шел в сторону областного центра, весь маршрут составлял больше семидесяти километров. Город находился в противоположной стороне от той, куда уехали Ленка и Васька. Ну, вот, все получилось просто отлично. Максим вытащил телефон, набрал номер жены. «Вне зоны действия сети», – нечеловеческим голосом ответила трубка. Странно, может, денег на счету нет или со связью проблемы? Очень плохо, позвонить в следующий раз он сможет не скоро. Когда начнут искать Максима, проверят и входящие звонки на Ленкин телефон. Хоть и купили ей перед отъездом «на море» новую сим-карту, это скоро перестанет быть тайной. Координаты, откуда сделаны звонки, установить несложно. Раз уж хватило денег на покупку приговора, то о таких мелочах, как информация от сотового оператора, и говорить нечего.

Езды до областного центра было полтора часа, но Максим туда и не собирался. Он вышел из автобуса через час на остановке перед небольшим поселком. Быстро прошел по улицам мимо мрачноватых кирпичных домов, оказался на железнодорожной станции. И купил билет на электричку, дождался поезда, вошел в вагон. Здесь уже можно выдохнуть, ехать придется до конечной, а это часа два. В город, где жил один из бойцов из группы Максима, Пашка Волков. Отличный друг и человек, они были кое-чем обязаны друг другу. Да и дело было

не только в этом – Максиму нужно было не просто где-то отсидеться, но и уехать как можно дальше от Александрова. Если бы на Новую Землю ходили поезда, Максим, не задумываясь, рванул бы туда. И встретил врагов там, хоть в тундре, хоть во льдах Арктики. А в том, что его найдут, Максим был уверен, и следить за ним будут, только уже не оборзевшие от безнаказанности щенки, а обученные специалисты. Вот и чудненько, поговорим с ними на равных. Но время пока работает на него, и использовать недели и дни нужно с толком. И, прежде всего, найти того, кто поможет ему одолеть зверье, ввязываться в драку в одиночку опасно.

Максим закрыл глаза, прислонился к стенке вагона. За всю прошлую ночь поспать удалось только часа три, не больше. Все думал, прокручивал в голове план отступления. По легенде, Ленка уехала на море на месяц, и почти две недели уже прошли. Искать ее начнут не скоро, но рано или поздно доберутся и до той глухомани, в которой они сейчас оказались. А у него остается еще примерно месяц, чтобы… Чтобы что? Заставить купленный бандитами суд изменить приговор? Его, правда, еще не огласили, но это можно сделать и заочно. Ладно, главное сейчас – уцелеть самому, от живого, пусть даже пустившегося в бега, отца и мужа Ленке и Ваське будет больше пользы, чем от мертвого.

Заснуть не удалось – по вагонам бродили коробейники, громко нахваливали свой товар. Потом прошли побирушки из серии «мы сами не местные, отстали от поезда» и «подайте на лечение». Кто-то пел под раздолбанную гитару нетрезвым голосом. И только часа через полтора все успокоилось. Максим посмотрел на часы – ехать осталось еще минут двадцать, не больше. Он почувствовал, как затекли от долгого сидения на одном месте мышцы, поднялся, вышел в тамбур. И остановился, едва за ним с грохотом закрылась дверь. На полу, привалившись к дверям вагона, сидел человек. Он скорчился, прижал руки к животу, по светлой толстовке расползалось темное пятно. Максим присел на корточки рядом с человеком, осторожно отвел его руки от живота. Точно, проникающее ранение, не глубокое, крови немного, но основательно задета еще и ладонь. Раненый – это был парень лет восемнадцати, – видимо, пытался ставить блоки, чтобы закрыться от удара. Максим заставил парня поднять голову, посмотрел на бледное лицо с закушенной нижней губой, хлопнул его несильно по щекам.

– Давай, давай, приходи в себя, – негромко приказал он, и раненый открыл глаза.

– Давно тебя? Кто? Ты их видел? – на все вопросы парень только слабо кивал в ответ.

Максим осмотрел его порезанную кисть руки – нанесенный чем-то острым удар пришелся правее и напротив указательного пальца, в середину, в самую толстую вену на наружной части кисти. Кровь не останавливалась, лилась ровной пульсирующей струей, еще немного, и парень потеряет сознание от кровопотери. Максим попытался прижать артерию на запястье, но это не помогло. Нужен жгут, и быстро. Максим вытащил из-за спины парня сумку на длинном ремне, выдрал его с корнем, перемотал руку выше запястья и заставил парня сесть.

– Не падай и руку вот так держи, не опускай, – проинструктировал Максим уже почти потерявшего сознание парня. Тот слабо кивнул в ответ, прижал здоровой рукой побелевшую кисть раненой руки к груди выше сердца. Максим убедился, что кровотечение остановилось, посмотрел на часы.

– Запомни – сейчас шестнадцать сорок. Врачам скажешь. Слышишь меня? – парень кивнул в ответ.

– Молодец, только не забудь, это важно. Ты их видел? – вполголоса повторил вопрос Максим.

– Да, – хрипло ответил парень, – их двое было. Телефон забрали и деньги. А чтобы не орал – вот… – и снова умолк.

– Описать их можешь? Как выглядят, во что одеты? – Максиму снова пришлось несильно хлопнуть парня по щекам. Время летит быстро, надо попытаться найти этих тварей. Они здесь, в электричке, и тоже выйдут на конечной. Осталось – Максим еще раз посмотрел на часы – меньше пятнадцати минут.

– Один длинный, в куртке джинсовой, серой и костюме спортивном. Второй – бритый, тоже высокий, кажется. Я его плохо разглядел, он первого прикрывал, – срывающимся голосом описал приметы напавших на него людей парень.

– Молодец. Сиди тут, не двигайся. – Максим поднялся на ноги, открыл дверь между вагонами. Скорее всего, нападавшие там, в двух последних вагонах. Максим помнил, что в их вагон давно никто не входил. Максим шагнул вперед и

оказался в предпоследнем вагоне, посмотрел через стекло двери на пассажиров. Народу немного, кто спит, кто читает, кто в окно смотрит. Нет, здесь эти ребята отсиживаться не будут. Рванут, скорее всего, в хвостовой вагон, чтобы первыми выскочить на остановке. Максим быстро прошел мимо длинного ряда сидений, на всякий случай рассматривая пассажиров. Никого, похожего по описаниям пострадавшего, не увидел. Перешел в последний вагон, остановился в тамбуре. А здесь вообще – тишина и покой. Никого, вагон абсолютно пуст. Максим вошел в гулкий, продуваемый сквозняками вагон, двинулся вперед. И остановился на середине – в тамбуре, впереди кто-то был. Двое, один высокий и тощий, даже костлявый. Второй – тоже длинный, но покрепче, но не бритый, а очень коротко стриженный. И оба чем-то очень заняты, рассматривают что-то, вырывают из рук друг у друга. Поэтому приближавшегося Максима и заметили в последний момент, когда он остановился перед дверью. Опасности они не чувствовали – то ли ума не хватало, то ли не позволяла включенная борзянка.

– Тебе чего, дядя? – рявкнул тощий. – Вали давай, не пялься!

Максим пропустил его слова мимо ушей, смотрел на рукава джинсовой серой куртки бандита. На темной ткани манжет выделялись темные пятна. Что и требовалось доказать. Вот они, голубчики. Максим рванул дверь за ручку, оказался в тамбуре.

– Билетики предъявите, – в ответ раздалось дружное ржание. Максим тоже улыбнулся, сделал шаг вперед и, больше не говоря ни слова, расквасил тощему нос, а бритого от души приложил лбом о вагонную дверь. Первый, в джинсе, закрыл руками лицо и тут же согнулся от удара в живот, хрюкнул, сполз на пол. К нему через пару секунд присоединился второй, оба лежали на дрожащем полу тамбура и поскуливали от боли. Максим врезал каждому ногой по ребрам, чем окончательно обездвижил начинающих бандитов, нагнулся, обыскал карманы обоих. У тощего в рукаве джинсовки обнаружилась отвертка – длинная, с остро заточенным плоским наконечником. Максим бросил ее на пол, отшвырнул ногой подальше.

– Уроды, лежите тут и ждите. Я вам сейчас такси вызову. Синенькое, с решетками на окнах. – Максим включил телефон, набрал номер вызова экстренных служб, посмотрел в окно.

– Электричка подходит к конечной станции – Восемьдесят третий километр. В третьем вагоне от хвоста – человек с проникающим ножевым ранением и

потерей крови. В последнем вагоне – те, кто его порезал. Нужна милиция и «Скорая», – быстро, с расстановкой проговорил Максим, на вопросы отвечать не стал. Нажал «отбой», выключил телефон, посмотрел на пол. Ребятки шевелились, пытались подняться на ноги и непрерывно матерились. Максим с силой, от души приложил каждого – кого лбом, кого затылком – о стену. Чисто на всякий случай, для собственного успокоения. Убедился, что оба отключились, отошел в сторону. Ну, вот теперь все правильно. До приезда милиции эти ребятки будут лежать тут тихо и смирно. За окнами уже мелькали низкие одноэтажные домишки, потянулись бесконечные, покрытые наскальной живописью заборы. Электричка запрыгала на стрелках, начала сбавлять ход, остановилась у перрона. Максим ждал перед дверями и, как только они начали расползаться в стороны, просочился между створками, рванул к концу платформы. Спрыгнул на полотно, постоял, прислушался и выхватил из мешанины звуков вой сирен. Максим понадеялся, что это спешат к вокзалу машины компетентных служб. Надо было, конечно, вернуться и проверить, в каком состоянии тот мальчишка, но светиться лишний раз незачем. Ничего, все будет нормально, это вам не взрывная травма.

Максим поежился под порывом холодного ветра, застегнул на куртке молнию до подбородка. Все теплые вещи остались на съемной квартире, с собой, чтобы не вызвать подозрения, пришлось взять только самое необходимое. Остальное придется купить. Или попросить в долг у Пашки Волкова, но сначала найти его дом. Вернее, улицу с романтическим названием Болотная. А топать для этого пришлось почти через весь городишко. Максим шел в ранних осенних сумерках по мрачным грязным улицам, зорко смотрел под ноги, чтобы не оступиться на очередной выбоине. Или не провалиться в лужу. По традиции дорог в городе не было – только направления. Островки асфальта робко выглядывали из-под слежавшейся грязи, кое-где Максим обнаружил даже остатки брусчатки. Из достопримечательностей городок мог похвастаться руинами гигантского завода, огороженными почти не тронутым временем бетонным забором. И огромным количеством в хлам пьяных граждан – палатки с пойлом расплодились в городке как поганки после дождя. Больше ничего заслуживающего внимания Максим не обнаружил. На Болотной он оказался уже в надвигающейся темноте. Уличное освещение традиционно отсутствовало, а все встреченные Максимом прохожие диковато косились на чужака и торопились поскорее пройти мимо. Максим немного поплутал среди заборов и канав, провалился-таки в неглубокую лужу и убил минут десять на то, чтобы оттереть от грязи ботинки пучком травы. Максим терпеть не мог грязи, и, пока приводил себя в порядок, уже окончательно стемнело. Зато нашлась, наконец, нужная улица, и Максим брел вдоль глухих заборов, смотря под ноги и по сторонам одновременно. Из-за калиток гавкали

псы, и, судя по голосу, это были не мелкие шавки. Пашкин дом оказался предпоследним – дальше в темноту простирался необъятный пустырь с вышками ЛЭП и ведущей неведомо куда кривой дорогой. Максим остановился перед калиткой, потом подпрыгнул, посмотрел за забор. В доме светилось два окна, слышались звуки музыки и взрывы смеха – это работал телевизор. Максим несколько раз грохнул кулаком по деревянной створке и отступил назад. Ответом был собачий лай, но тонкий и неуверенный – щенячий. И следом грохнула дверь, и кто-то неторопливо двинулся к калитке. Максим, не обращая внимания на собаку, посмотрел в щель между досками – от дома по дорожке двигался человек. Он старался идти быстро, но оступался, ругался сквозь зубы. И опирался на палку, было видно, что она мешает ему, но и без опоры передвигаться человек не мог. «Это его отец», – Максим приготовился назвать себя и объяснить, когда и при каких обстоятельствах встречался с Пашкой.

– Кто? – рявкнули из-за калитки, и Максим сразу понял, что длинная речь отменяется.

– Капитан Логинов, – негромко ответил он, и калитка тут же распахнулась.

– Командир! – Пашка лыбился во весь рот. – Какими судьбами! Только недавно тебя вспоминал, да и не только тебя! Давай, входи! – И неловко отступил в сторону, чуть не упал, но Максим успел схватить его за рукав свитера.

– Давай, пошли скорее, с папашей своим тебя познакомлю! – Пашка орал чуть ли не во все горло, но такая огласка для Максима сейчас была лишней.

– Ты с отцом живешь? – негромко спросил он, пока шли к дому.

– Ну да! Кому я еще без ноги нужен? Да вот этот еще прибился, – Пашка махнул рукой куда-то в темноту. Там крутился беспородный щенок-подросток – черный, с белыми лапами и таким же пятном на голове. Он тявкал несмело на незнакомца и сразу шарахался назад, поджав хвост.

– Не помогла операция? – скорее уточнил свои предположения Максим, и Пашка закивал согласно:

– Нет, там денег кучу ввалить надо было, квот не было, конец года. А откуда у меня такие деньжищи? Боевые только через полгода после операции отдали,

уже поздно было. Я на них тут кое-чего отремонтировал, крышу там, стены утеплили. Живем зато как люди, зимой не дует. И воду провели, – Максима поразило, как сослуживец спокойно, даже равнодушно относится к тому, что стал калекой. Но промолчал, вошел следом за Пашкой в дом.

Тогда, во время той злополучной засады, вернее, не засады, а непонятно чего, Пашку сбила та самая зеленая «Нива». Хорошо хоть боец сообразил, успел откатиться в сторону, пока Максим бежал автомобилю наперерез. Пашка и начал стрельбу, когда увидел, как открывается на ходу дверь «Нивы». Обычно после этого из движущегося транспортного средства по преследователям открывался огонь из пулемета или другого стрелкового оружия. Так что Пашка все сделал правильно, даже чудом умудрился не потерять сознание. Отключился только минут через пятнадцать, когда все уже закончилось. Тащить его пришлось на себе, транспорта не было. Сложный перелом со смещением, инфекция, неправильно сросшиеся кости – и вот результат. Здоровенный тридцатилетний мужик еле-еле передвигает ноги. Вернее, ногу. Вторую ему заменяет палка.

– Протез-то хоть нормальный сделали? – спросил Максим уже после того, как познакомился с отцом Пашки, осмотрел их жилище. Ну, и после непременной «за встречу». Старик быстро сдался, отпал, ушел спать, поэтому команду «Отбой» Пашке и Максиму дать было некому. Вот они сидели в небольшой кухне, хоть и время было уже хорошо за полночь.

– Да, на это хватило, – похвастался Пашка, – немецкий, по моей мерке делали. Я хоть ходить как человек теперь могу, а в том, который бесплатно дали, чуть не сдох. Боль зверская, нога отекает, ремни уродские кожу до крови стирали. А в этом – хоть снова на «выход», – Пашка даже рассмеялся своей шутке.

Максим не перебивал друга, отмалчивался, больше смотрел и слушал. Пашка остался таким же, как и раньше, – такой же высоченный, очень коротко стриженный, на щеке, когда говорит, появляется «черточка». И взгляд прежний – чуть исподлобья, но улыбается. А еще Максиму казалось, что у Пашки вместе с половиной левой ноги отрезало еще и часть натуры, которая отвечала за взвешенность, степенность, безразличие. Не стало в нем «середины», остались только яркие всплески эмоций, крайности: либо хохочет, либо грустит, третьего не дано. А был ведь вечно хмурый, словно недовольный, слова лишнего не вытянешь. Но хитрый, наблюдательный – все видел, замечал и выводы делал правильные. И своевременные. Впрочем, других в группе Максима не было и быть не могло. Искусственный отбор производился самопроизвольно,

фильтровала людей обстановка и их способность приспособиться к ней и уцелеть. Вот и сейчас Пашка был в своем репертуаре – допил остатки водки из стопки, скривился, выдохнул. И проговорил сдавленным голосом:

– Ну, теперь ты давай, колись – что там у тебя? Ты ж ко мне не просто так от нечего делать в гости пожаловал. – И прислонился к стене, прикрыл глаза.

– Не просто, – согласился с ним Максим. И рассказал обо всем, что довелось пережить ему и его семье за последний месяц. Даже о гибели несчастной Феклы не умолчал. Выложил все как есть и умолк.

– Нет, вот же суки, а! – принял эстафету Пашка. – Скотоводы, мать их! А эта тварь где, которая тебе приказывала?! Где она, я тебя спрашиваю?!

– Никто не знает. Уволился почти два года назад, уехал куда-то, – ответил Максим. И решил, что с выпивкой пора заканчивать – Пашка разошелся не на шутку. Он был на полголовы выше Максима, в одиночку справиться с ним, в случае чего, будет сложно. Максим на всякий случай подвинул бутылку поближе к себе, а потом, пользуясь тем, что Пашка отвлекся, вообще убрал ее под стол.

– Что значит, не знает? Он без вести пропал, и справка есть?! Или свидетельство о смерти? Кто его видел? Ах, никто! Паскуда лысая! – в гневе Пашка решил, что подставивший их группу полковник обязательно должен быть лысым. И жирным кровожадным уродом, каким и полагается быть мерзавцу.

– Вот то и значит. Я за всех отдувался – за него и за себя. Да тут даже и не в нем дело, в полковнике. Ведь присяжные меня оправдать были готовы, когда этот вождь племени приехал. И всех купил – вот в чем главный ужас.

– Всех, кроме тебя, – Пашка посмотрел на стол, нахмурился. Натюрморт был неполон, исчезла важная составляющая, и Пашка силился вспомнить, когда это произошло. Максим сделал вид, что ничего не замечает.

– Вот такие дела, Павел Волков. Я у тебя дня два пережду, если ты не против, – проговорил Максим.

– Чего тут спрашивать, сиди здесь, сколько хочешь. Тебя тут ни одна собака не найдет. Если что – лес рядом, – махнул рукой себе за спину Пашка, – удрать успеешь. Только кажется мне, что долго ты так не пробегаешь. Ты же теперь как партизан, на нелегальном положении, – Пашка засмеялся, улыбнулся и Максим.

– Лучше уж так, чем у них… Ну, ты меня понял. Время надо, чтобы легализоваться, время. Попартизаню чуток, от меня не убудет, – добавил он.

– Слушай, а давай им меня предъявим, – предложил вдруг Пашка, – ногу мою, вернее, то, что от нее осталось. Пусть родственнички их полюбуются, во что человек превратился, а? Да мне «Нива» та до сих пор в кошмарах снится – я падаю, ты бежишь, а дверца задняя у машины открывается. Ты ни черта не видишь, я автомат поднимаю, а его заклинило, стрелять не могу, прикинь! – выдал Пашка на одном дыхании и алчно потер руки: – Компенсацию потребуем, разбогатеем! Ты квартиру купишь, я… – и замолчал, не договорил под взглядом командира.

– Давай предъявим, – очень тихо, даже безразлично согласился Максим, – посмотрим, кто из нас дольше проживет потом. Думаю, что нас даже до того аула не довезут, по дороге прикончат. Хотя нет. Вряд ли – довезут, это я погорячился. Живыми и даже здоровыми. А вот там все веселье и начнется, после того, как неподкупные судьи правильно поймут волю своего народа, – вспомнил Максим сказанные адвокатом слова.

– Все, извини, я понял, – согласился с командиром Пашка, – прав ты, все как надо сделал. Слили тебя, чего уж тут, да и не только тебя. Нас всех как в дерьмо мордой окунули. Ты ж приказ выполнял, а не погулять туда вышел. Ну, и мы заодно. Ладно, спать давай, что ли. – Пашка потянулся к палке, попытался подняться на ноги, но оступился, чуть не улетел под стол. И толкнул ногой недопитую бутылку, она звякнула жалобно, покатилась по полу.

– О, да тут еще осталось, – Пашка, сидя на полу, подхватил емкость, посмотрел через нее на тусклую лампочку под низким потолком, – давай, и по норам. А то не по-русски как-то получается.

Пришлось допивать. А то, и правда, хрень какая-то получается – два здоровых мужика поллитру на двоих осилить не могут. Непорядок.

Максиму отвели отдельную комнату, Пашка спал в соседней. Отец его жил в пристройке – на ее обустройство и ушли почти все деньги, полученные Пашкой после увольнения из армии. Каждый действительно оказался в своей норе, Максим, когда улегся наконец на диван, даже вздохнул с облегчением. Больше всего он боялся причинить неудобство своим внезапным приездом, стеснить или потревожить семью Пашки. Но получилось все как нельзя лучше, и для того, чтобы отсидеться первое время после «исчезновения», лучшего места Максиму было не найти. Длинный день закончился, и Максим прикинул, уже засыпая, сколько километров составил его сегодняшний маршрут. По примерным прикидкам получилось, что больше двухсот, правда, не по прямой. «Бешеной собаке семь верст не крюк», – вспомнилась подходящая случаю пословица, Максим улыбнулся своим мыслям и заснул.

Утро оказалось добрым, последствий «вчерашнего» ни у кого не наблюдалось. Максим рассматривал ворох лежащего на диване барахла, Пашка притащил еще охапку шмотья, бросил на подушки, уселся рядом.

– Выбирай, – широким жестом предложил он, – мне это уже точно не понадобится.

Максим разобрал завалы, выбрал прекрасно сохранившуюся полевку, пару свитеров и теплую куртку. Обувь и еще кое-что по мелочи придется купить – холодало стремительно, Максим уже успел в этом убедиться. Как проснулся, первым вышел во двор, постоял на крыльце и быстро спрятался в дом – ветер задувал ледяной, настоящий осенний.

– Где тут у вас обувь купить можно? – Максим натянул свитер, чуть подогнул рукава, брюки тоже пришлось подвернуть.

– Красавец, – резюмировал Пашка и поднялся на ноги, – пошли, провожу.

– Да ладно, я сам дойду, – попытался отказаться Максим, но Пашка его не слушал.

– Пошли, пошли. Я уже дома обалдел сидеть, хоть на людей посмотрю. Я ведь только в пенсионный иногда выбираюсь и в военкомат, но это редко. И на комиссию, чтобы инвалидность не сняли.

– Зачем? – Максим поразился его словам, – ее – что, отобрать могут?

– Запросто, – Пашка одевался и говорил одновременно, – в нашей стране считается, что у человека оторванная рука или нога за год может вырасти обратно. Как хвост у ящерицы. Да ладно, я уже привык, – заметив, что Максим изменился в лице от злости, быстро добавил Пашка.

Вышли, закрыли за собой калитку. Пашка прикрикнул на сунувшегося за ними щенка, и тот быстро спрятал белолобую башку в щель между досками. Максим шел следом за Пашкой по обочине и смотрел то себе под ноги, то на бредущего впереди товарища. Грязь на дороге непролазная, асфальта тут не было и в помине – яма на яме и ямой погоняет. По мокрой траве шли мимо заборов, кое-где приходилось прижиматься к ним вплотную, чтобы обойти очередную грязную лужу. Максим смотрел на перемазанные ботинки и вздыхал, отводил взгляд в сторону. Впрочем, скоро положение улучшилось – дорога оказалась щедро усыпана щебнем, а заборы и дома за ними – выше. Уровень благосостояния живущих здесь граждан рос на глазах – по мере того, как Пашка и Максим приближались к центральным улицам городка. Максим оттирал от грязи обувь, Пашка сначала терпеливо ждал, потом не выдержал:

– Так как кошка. В лужу наступишь, потом лапы полчаса отряхиваешь.

– Тогда уж как кот, – парировал Максим и снова вспомнил несчастную Феклу.

Добрались, наконец, до самого большого здесь торгового центра – двухэтажного строения, бывшего когда-то центральным универмагом. Пашка уселся в кафешке на первом этаже, Максим отправился за покупками. Выбирать не приходилось – бюджет ограничен, еще неизвестно, сколько придется партизанить. Максим выбрал самые прочные на вид спортивные ботинки, купил еще кое-что по мелочи и спустился вниз.

– Рынок у вас тут есть? Или магазин продуктовый поприличнее, – спросил он Пашку.

– Рынок вон, рядом. А тебе зачем, все и так есть, – но Максим нахлебником быть не собирался.

– Пошли, покажешь, – распорядился он и двинулся к дверям, пропустив Пашку вперед. Прошли через грязноватую площадь, двинулись между торговых рядов.

– Да не надо, не надо, – зудел позади Пашка, но Максим его не слушал. Надо запастись продуктами, чтобы подольше не светиться в городе. Город небольшой, друг друга все почти в лицо знают, и любой новый человек привлечет внимание местных. А кто будет ходить по магазинам? Пашка со своей палкой? Он и так два раза чуть не упал в той жуткой каше, по которой пришлось пробираться к дому. Отец Пашки? Он тоже еле ползает, да и со зрением у старика неважно. Два пластиковых пакета наполнились быстро, Максим отмахнулся от сунувшегося помочь тащить покупки Пашки, направился к выходу.

Обратный путь занял почти полтора часа. Максим видел, что Пашка устал, но вида не подает и идти старается быстро. Пришлось приноравливаться под его шаг, топать с набитыми продуктами пакетами позади. Когда добрались, наконец, до дома, отец Пашки попытался «рассчитаться» с Максимом, даже вытащил кошелек. Со стариком спорить Максим не стал.

– Хорошо, отец, только давай потом, ладно? Когда уезжать буду, – дед сразу согласился, Пашка отвернулся и негромко фыркнул. Максим же в этот момент подумал, что, скорее всего, уезжать он будет как и в предыдущий раз – по-английски.

Вечером они стояли на крыльце. Пашка курил, Максим «общался» с вылезшим из будки щенком. Тот тявкал на незнакомца, делал вид, что собирается укусить. Максим хлопал в ладоши перед носом пса, и тот быстро отскакивал назад. В соседнем, по виду – заброшенном доме в окнах мелькнул луч фонарика, Максим выпрямился рывком, всмотрелся в темноту. Пашка же отреагировал спокойно, бросил окурок в банку, пояснил:

– Наркоши местные. Что-то давненько не видел. Тут точка с наркотой недалеко была, прикрыли ее недавно. А они по старой памяти все сюда сползаются…

– Тебя не трогают? – спросил Максим, не отводя взгляда от подозрительного дома.

– Нет пока. Да у меня есть чем их встретить, – загадочно ответил Пашка.

Перед тем как лечь спать, Максим долго крутил в пальцах выключенный мобильник. Надо позвонить Ленке, спросить, как они там без него. Да и она уже наверняка звонила, и не раз. Но сейчас нельзя. Пока нельзя. Позже он обязательно найдет способ поговорить с женой.

Два дня прошли спокойно. Максим изучал окрестности, выбирал удобный путь к отступлению. Но выбирать особо было не из чего – сразу за пустым домом на обочине дороги стоял знак границы города. Дальше простирался пустырь, на горизонте маячили верхушки деревьев. И хорошо слышный грохот колес поездов – «железка» проходила километрах в полутора от дома Пашки.

– Поздравляю, капитан, ты сегодня прославился, – такими словами встретил тот Максима после очередной прогулки.

– В смысле? – не понял Максим.

– В розыск тебя объявили, в федеральный. Только что в новостях сюжет был. Ты же на судебные слушания не явился? Зверье это показали – орут, визжат, только что не плюются. Сами найдем, орут. А мужик какой-то, из ихних, вообще отмочил: «Сбежав, этот человек показал всему миру, что он знает, что виновен!» Нормально, да?! И про вознаграждение что-то вякнул, так, походя, – делился информацией Пашка.

Максим слушал молча. Первой была мысль о том, видела ли этот сюжет Ленка. А если видела, то что подумала и что попыталась сделать. Позвонить мужу, конечно. И не дозвонилась. И тут же подумал, что надо уходить – подставлять Пашку и его отца Максим не мог. Но Пашка, помимо многих других своих талантов, умел еще и читать мысли:

– Даже не думай, командир. Тут тебя никто не найдет. По сторонам посмотри – нет никого, только я да папаша мой. От нас точно никто ничего не узнает, а по лесам ты долго не пробегаешь. Зима, между прочим, скоро, – выдал ворох железных аргументов Пашка.

– Ну, да, – Максим сделал вид, что согласился с ним, а Пашка продолжал кипятиться:

– Нет, что вообще происходит? Кто в войне победил – мы или они?

– Они, конечно, – не задумываясь, ответил Максим. Посмотрел на вытаращившего глаза Пашку и продолжил:

– Самым явным свидетельством результатов любой войны является поведение населения в тех местах, где она прошла. Если война выиграна, то увеличивается доля представителей победившей стороны – в качестве чиновников, колонистов, экономических мигрантов, старающихся извлечь выгоду из победы соплеменников. Если война проиграна – проигравшие уходят. Как ушли французы из Алжира, как уходят белые из Южной Африки. А там… Да ты и сам все знаешь…

Пашка из слов командира понял в лучшем случае половину, но ту, которая составляла суть: их продали еще раз. Тогда, бросив в центре бездарно организованной спецоперации, и сейчас. И при малейшем удобном случае сделают это третий раз и четвертый… Столько, сколько захотят.

– Суки, – бессильно и зло выдохнул Пашка, – вот же суки… Ладно, пошли, поедим, что ли. Папаша там супец сварил.

Максим двинулся за другом в дом, и пока они обедали, все прикидывал, пытался предположить хотя бы приблизительно – когда ему уходить. Сегодня или подождать еще немного? Но все решилось само собой. Следующий день и ночь за ним прошли спокойно, а утром у Пашкиного отца начался приступ астмы. Все обошлось, старик отдышался, лежал на кровати в пристройке и, кажется, заснул. Пашка посидел рядом с отцом, потом вышел в коридор, принялся натягивать ботинки.

– Далеко собрался? – поинтересовался у него Максим.

– Лекарство закончилось, надо в аптеку сходить, – сдавленно ответил тот, возясь с непослушными шнурками.

– Я схожу, ты лучше с ним посиди, – Максим оделся, направился к входной двери.

– Ты ничего не забыл? – в спину ему прошипел Пашка. – Кого-то из нас в розыск объявили. И, по-моему, не меня.

– Помню я все, – ответил ему Максим, – помню. Чего тут идти? Пятнадцать минут – делов-то. Говори лучше, как лекарство называется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kazancev_kirill/lovushka-dlya-tigra

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити